

МИХАИЛ
РАСКАТОВ
**ПРОПАВШАЯ
БУКВА**

Иллюстрации
Евгения
Медведева

А 1

Б 2

В 3

Г 4

Д 5

Е 6

Ё 7

Ж 8

З 9

И 10

Й 11

К 12

Л 13

М 14

Н 15

О 16

П 17

Р 18

С 19

Т 20

У 21

Ф 22

Х 23

Ц 24

Ч 25

Щ 26

Ъ 27

Ы 28

Ь 29

Э 30

Ю 31

Я 32

? 33

ПРОПАВШАЯ

МИХАИЛ
РАСКАТОВ

БУКВА

Иллюстрации
Евгения Медведева

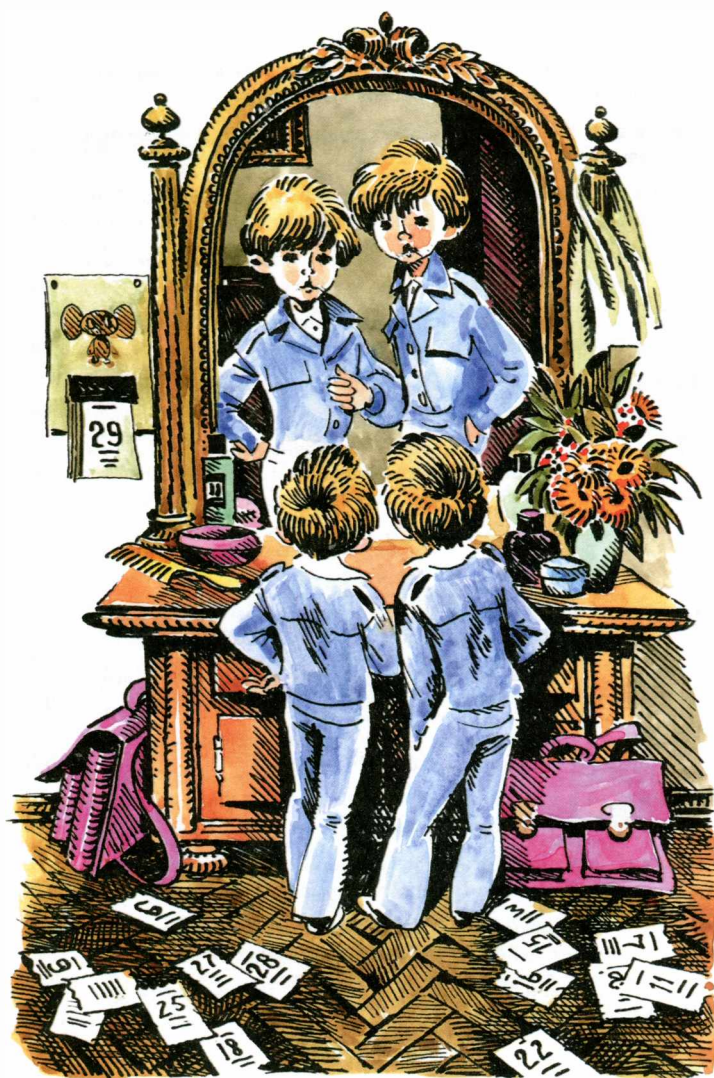

Москва КомпасЛид
издательский дом

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. В БУКВОГРАДЕ.....	9
Глава первая, из которой мы узнаём, что не только футбол, телевизор, марки и дрессировка щенка требуют много времени.....	10
Глава вторая, в которой Саша и Алёша принимают решение, и что из этого получается.....	11
Глава третья, которая начинается с удивительного открытия, а заканчивается игрой в аки и ахматы.....	15
Глава четвёртая, о Буквограде и о волшебнике, который состоит из капелек.....	20
Глава пятая, в которой рассказывается о правилах уличного движения и о встрече с Ахом и Охом.....	24
Глава шестая, из которой мы узнаём, какая тяжёлая жизнь у принцессы Лени и кто такой Кривпоч.....	30
Глава седьмая, из которой становится ясно, что хвастовством дела не сделаешь.....	35
Глава восьмая, из которой мы узнаём, почему Кривпоч не ходит на улицу Разума и кто живёт во Дворце Усердия.....	37
Глава девятая, о том, как торопливость приводит на Скамью Несознательных.....	42
Глава десятая, в которой становится известна страшная тайна и принимается план действий.....	47
 Часть вторая. В СТРАНЕ БУКВОЕДОВ.....	 51
Глава первая, которая убеждает в том, что смекалка полезна в любом деле.....	52

Глава вторая, в которой рассказывается о загадочной надписи и о том, как проходила переправа.....	56
Глава третья, о том, как разгадываются таинственные надписи.....	59
Глава четвёртая, в которой Саша, Алёша и Ёжик спускаются в пещеру	61
Глава пятая, в которой рассказывается о том, как Пара Граф принимает гостей	65
Глава шестая, в которой рассказывается о том, как Ах и Ох ели торт.....	70
Глава седьмая, в которой рассказывается о неожиданной встрече.....	74
Глава восьмая, о тайне загадочной надписи и о том, что получается, если буква становится большой.....	76
Глава девятая, о том, что такое Пара Граф	80
Глава десятая, в которой рассказывается о дисциплинированных детях Отсике и Досике	83
Глава одиннадцатая, в которой рассказывается об одном условии Пара Графа	89
Глава двенадцатая, из которой становится ясно, отчего выздоровела буква Ш	92
Глава тринадцатая, в которой решается вопрос, надо ли выражать уважение, если его нет	95
Глава четырнадцатая, в которой рассказывается о побеге и о неожиданной встрече.....	97
Глава пятнадцатая, в которой рассказывается о погоне и о том, что Почерк тоже умеет улыбаться.....	101
Глава шестнадцатая, в которой рассказывается о том, как действует на буквоедов воздух улицы Разума.....	104
Глава семнадцатая, которой заканчивается наш рассказ.....	110

ЭТА

удивительная история, которую я хочу рассказать, случилась совсем недавно. Что ж тут особенного? Может быть, вы думаете, что в наше время ничего необыкновенного не происходит? Да? Впрочем, я шучу. Никто из вас так не думает. Ведь всем известно, что наше время — самое необыкновенное. И всё-таки...

И всё-таки не будем торопиться. Иначе Саша и Алёша могут на меня обидеться. Ведь историю, о которой пойдёт речь, рассказали мне именно они. И я обещал им, что если сам захочу рассказать её кому-нибудь, то начну с самого начала.

Да, я ещё не сказал вам, что Саша и Алёша — родные братья, и не просто братья, а близнецы. Каждому из них ровно по семь лет, восемь месяцев и девять дней, и они очень похожи друг на друга. Только Саша чуть повыше, а Алёша — поменьше, и потом, Саша горячо берётся за любое дело, хотя и не всё получается у него хорошо, а Алёша, наоборот, очень спокойный и не очень разговорчивый. И если мама часто говорит Саше: «Не торопись!», то Алёше ещё чаще повторяет: «Не спи!»

Так вот, всё началось первого сентября. В этот день Саша и Алёша в первый раз пошли в школу. Помните, как вы сами первый раз шли по улице с портфелем в руках? Этот день, конечно, никто из вас не забыл. Ведь он бывает всего раз в жизни. Саша и Алёша, так же как и все мальчики и девочки с нашей улицы, долго ждали этого дня. Им казалось, что лето длинное-предлинное. Такое длинное, что никогда и не кончится.

Каждый день Саша подходил к календарю и отрывал сразу два листка. Потом подходил Алёша и отрывал ещё два листка. Они думали, что время от этого пойдёт быстрее. А время... Время шло своим чередом.

Саша и Алёша надевали новую школьную форму, смотрели в зеркало, а на них из зеркала смотрели совсем другие мальчики. У них был такой важный и строгий вид, что

показывать, как раньше, язык им было просто невозможно. Ведь мальчики в зеркале начнут делать то же самое, а это будет совсем плохо, потому что к новой школьной форме никак не подходит высунутый язык. Так уж устроено зеркало — и ничего тут не поделаешь! Наверное, если бы зеркала были на улицах, в автобусах, троллейбусах, метро и школах, то некоторые мальчики и девочки стали бы вести себя лучше. Начнёшь, например, толкаться или щипаться — и сразу в десяти зеркалах десять мальчиков тоже начнут толкаться и щипаться, и, конечно, это будет очень некрасиво.

Саша и Алёша смотрели на себя в школьной форме и думали о том, что скоро, очень скоро у них начнётся новая жизнь. Но они совсем не догадывались, какие удивительные приключения их ожидают.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В БУКВОГРАДЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

*из которой мы узнаём, что не только футбол,
телевизор, марки и дрессировка щенка
требуют много времени*

Ровно первого сентября Саша и Алёша начали писать палочки и кружочки. Те самые палочки и кружочки, без которых нельзя научиться писать буквы. Ведь и без винтика не бывает машины.

Саша и Алёша были уверены, что любая машина работает сама по себе. Они, конечно, знали, что в машинах есть моторы, но наверняка очень удивились бы, если бы им сказали, что каждый мотор, даже самый маленький, состоит из десятков, а то из сотен частей. И что если одной, хотя бы самой небольшой части, самого маленького винтика не будет хватать, то даже очень хороший мотор начнёт, как больной, чихать и кашлять, а может быть, и совсем остановится.

А палочка и кружочек — это тоже винтики. Винтики букв. Мы-то с вами знаем, что это именно так.

Но Саша и Алёша ещё не понимали всего этого, а потому решили, что писать и переписывать палочки и кружочки не имеет никакого смысла. Просто жалко времени.

Скажу вам по секрету, что сначала они всё-таки сели за стол и попробовали писать. Но палочки и кружочки оказались непослушными. Они никак не становились в ряд. Одни почему-то подсказывали вверх, другие прыгали вниз, а все остальные качались из стороны в сторону, как пьяные. Если одна палочка наклонялась вправо, то уж вторая — обязательно влево. И привести их в порядок не было никакой возможности. И вообще в это время началась интересная передача по телевизору...

Так прошло несколько дней. Саша и Алёша всё реже и реже подходили к зеркалу, чтобы посмотреть на себя в новой форме. Им было просто некогда. Утром надо было бежать в школу, именно бежать, иначе можно было опоздать на уроки. Учительница почему-то очень не любила, когда опаздывали. Но Саша и Алёша, чего греха таить, любили утречком подольше поспать. Когда мама их будила, они говорили сонными голосами:

— Ну мамочка, ну ещё пять минут... Ну ещё одну минуту... Ну ещё полминуточки...

И конечно, просыпались в самый последний момент. Потом они медленно, очень медленно начинали одеваться. Причём Алёша опять ухитрялся засыпать, и маме время от времени приходилось его тормошить. Вдруг Саша вспомнил, что забыл положить в ранец пенал, и начинал его всюду разыскивать. Он искал пенал на столе и под столом, под кроватью и за шкафом и даже в кухонном столике... А пенал преспокойно лежал... в ранце у Алёши.

Вот потому-то и приходилось что есть силы бежать в школу.

А после школы надо было покататься на велосипеде, поиграть в футбол и, кроме того, каждому заняться своим любимым делом: Алёше — подрессировать соседского щенка Тузика, который был очень непослушным и требовал много сил и времени, а Саше... Саше надо было ещё раз пересмотреть всю свою коллекцию марок, которых у него было ни много ни мало, а ровно 783 штуки, да ещё шесть обменных и одна бракованная.

Поэтому, как вы сами понимаете, времени на уроки оставалось как раз столько, чтобы немножко поучить стихотворение, и совсем немножко, чтобы пописать буквы... Какие это были буквы, лучше и не говорить...

ГЛАВА ВТОРАЯ,
*в которой Саша и Алёша
принимают решение,
и что из этого получается*

Однажды Саша и Алёша сидели за столом и торопились закончить последний ряд буквы Ш.

— Эта буква мне не нравится! — неожиданно сказал Алёша.

— Мне тоже, — немедленно согласился Саша. — И вообще этих букв слишком много.

— И почему их так много? — задумался Алёша и посмотрел на потолок. — И кто их придумал?

— Какой-нибудь злой дядька, — сказал Саша. — Вот если бы я их придумывал, я бы придумал шук пять, самое большое — десять. И всё. Правда, Алёша?

— Угу. И тогда бы не было этой буквы Ш!

— Целых три палочки!

— И три хвостика!

— Давай её не писать!

— Давай!

Саша и Алёша уже хотели закрыть тетради, но в тот же миг они услышали какой-то странный звон. Как будто кто-то дёрнул за самую тонкую струну самой маленькой мандолины.

И тут Саша и Алёша увидели, что стол, за которым они сидели, стал расти и скоро сделался таким большим, что они потеряли друг друга из виду. Тогда Саша и Алёша быстро залезли на стол.

Но теперь уже это был не прежний стол, а огромное поле, похожее на аэродром.

— Алёша-а-а! — закричал Саша. — Где ты-ы-ы?!

— Я здесь! — закричал в ответ Алёша.

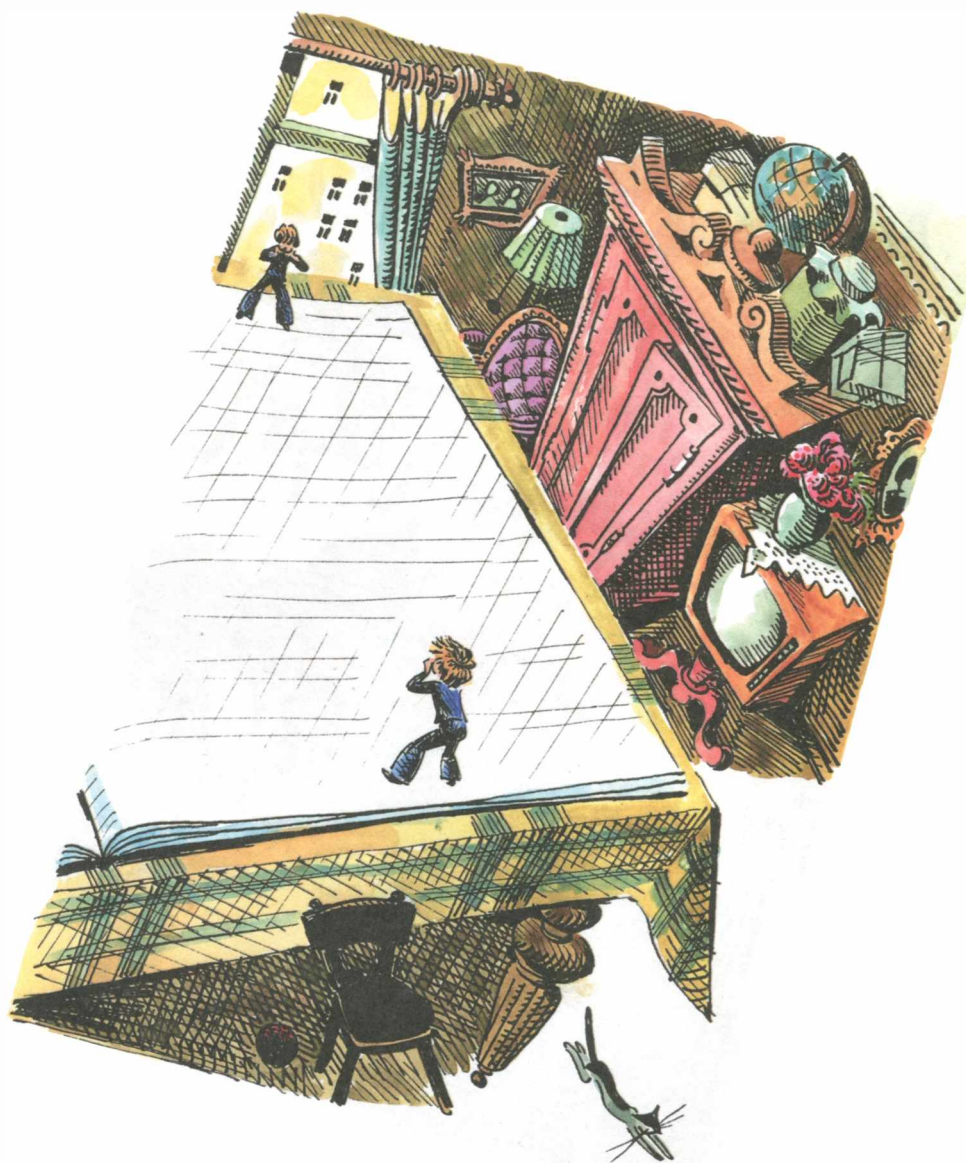
И они оба, не сговариваясь, побежали на середину стола. Тот самый звон, который мальчишки уже слышали, теперь раздавался всё сильнее и сильнее, а когда они подбежали друг к другу, стал совсем громким.

Саша и Алёша огляделись. Перед ними, на сколько хватало глаз, лежало белое поле, покрытое тонкими ровными линиями.

— Алёша! — вдруг догадался Саша. — Это же... это же... это же тетрадь по письму!

Да, это была тетрадь по письму. Та самая тетрадь, на которой кто-то из них только что выводил букву Ш. Однако, странное дело, тетрадные листы были чистыми. Буква исчезла. Но Саша и Алёша не заметили этого. Больше всего им понравилось, что на тетради очень удобно играть в железную дорогу, потому что тоненькие линии были похожи на рельсы.

Они подошли к краю тетради, чтобы начать большой железнодорожный пробег, но вдруг тетрадные листы стали медленно подниматься, будто чьи-то невидимые руки стали их складывать, и Саша и Алёша, даже не успев испугаться, покатились вниз...

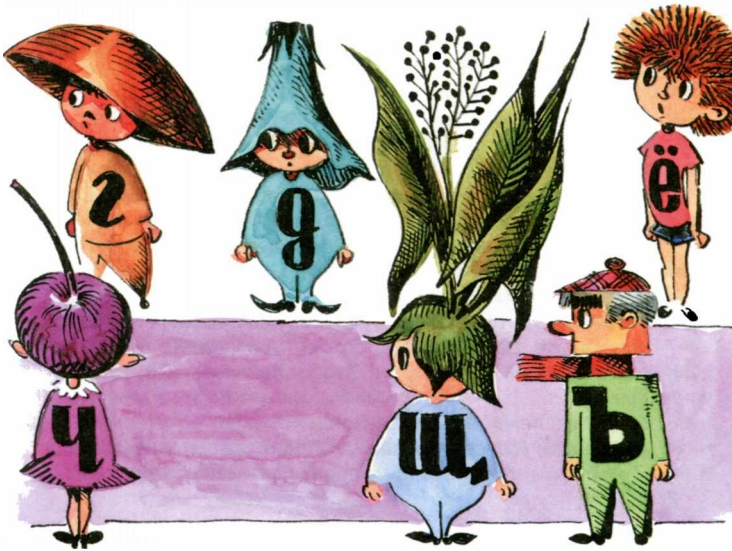

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*которая начинается с удивительного открытия,
а заканчивается игрой в аки и ахматы*

Когда Саша и Алёша открыли зажмуренные глаза, то увидели, что сидят на простой деревянной скамейке и даже достают ногами до земли. Да-да, до самой обыкновенной земли, покрытой зелёной травой. Скамейка стояла на краю площади. Вокруг площади росли густые деревья, а за деревьями были видны дома. На самой середине площади стояли пять маленьких человечков в аккуратных костюмчиках и дули в крохотные трубы, похожие на пионерские горны.

Неожиданно из-за деревьев появилось много таких человечков. Они быстро бежали, перебирая короткими ножками, и выстраивались в ряд. Саше и Алёше показалось, что где-то

они уже видели эти удивительные фигурки. Но не успели они сказать об этом друг другу, как человечки построились между двумя линейками, нарисованными на земле, и застыли, как солдаты на параде.

В это время горнисты перестали играть, и перед строем появился командир, высокий и стройный, в фиолетовом костюме. На голове у него была шляпа, похожая на перо для авторучки. Командир посмотрел на строй и скомандовал:

— Равняйся!

Человечки чуть-чуть шевельнулись, и строй стал ещё ровнее, чем прежде.

А командир отдал новую команду:

— По порядку назовись!

И тогда человек, который стоял первым, громко ответил:

— А!

Второй человек сказал:

— Б!

А человек, стоявший третьим, крикнул:

— В!

Тут Саша толкнул Алёшу в бок:

— Смотри, смотри! Ведь это же буквы!!

И Алёша только и проронил:

— Угу.

До разговоров ли, если видишь живой алфавит!

Вдруг командир строго сказал:

— В строю нет буквы Ш!

Один человек сделал шаг вперёд. Он застенчиво улыбнулся и вежливо произнёс:

— Уважаемый Почерк, буква Ш заболела. Вчера у неё болела голова, и поэтому...

— Ничего подобного, уважаемый Почерк! — перебил вежливого человека его сосед. — Буква Ш просто обиделась.

— Прекратите разговоры в строю, уважаемые Знаки! — ещё строже сказал Почерк. — Это невежливо. Пожалуйста, уважаемая А!

Буква А вышла вперёд и сказала:

— Уважаемый Почерк! Буква Ш действительно обиделась, и у неё действительно болит голова. Она не может поднять

своей третьей палочки. А во всём виноваты вот эти два мальчика. — И она указала на Сашу и Алёшу.

— Спасибо, уважаемая А, — Почерк кивнул головой. — Всё это очень печально. В самом деле, мальчики обидели уважаемую Ш, и она заболела от огорчения. Мы пошлём к ней нашего чудесного доктора Поправочкина. А пока эти мальчики не должны видеть и слышать букву Ш. Но нам, жителям Буквограда, следует быть гостеприимными. А теперь вы свободны.

И все буквы сразу подбежали к Саше и Алёше и окружили их плотным кольцом.

— Пойдёмте в Букварь! — предложил кто-то.

Саша и Алёша стояли растерянные. Всё это было так странно! Например, как это можно пойти в Букварь?.. Но самое странное заключалось в том, что, хотя буквы говорили очень понятно, некоторые слова Саша и Алёша не могли разобрать.

Саша опять толкнул Алёшу в бок (была у него такая скверная привычка — толкаться), когда буква А предложила:

— Давайте играть в аки! Вы умеете играть в аки?

Саша и Алёша переглянулись. Игры в аки они не знали.

Саша решил, что над ним смеются. Он открыл было рот, чтобы заявить, что никакой игры в аки нет, но рассудительный Алёша строго посмотрел на него и вежливо спросил букву А:

— Скажите, пожалуйста, а в чём заключается эта игра?

Буквы дружно засмеялись. И только Мягкий Знак застенчиво улыбнулся.

— Это просто необразованные дети! — заявил Твёрдый Знак и мрачно добавил: — Смено!

— Как не стыдно! — упрекнула Твёрдый Знак буква А. — Тебя же просили быть вежливым! А если мальчики не знают этой игры, то мы должны их научить. И я проу тебя принести аки сюда.

Твёрдый Знак повернулся и, солидно ступая, направился к одному из ближайших домиков.

Очень скоро он вернулся. В его руках были обыкновенные шашки! Да-да, самые обыкновенные деревянные шашки и картонная доска.

— Итак, начнём учиться, — приветливо сказала буква А. — Но, простите, пожалуйста, ведь мы ещё не познакомились. Меня зовут Астра. Правда, красиво? А это моя подруга. Её зовут Бегония. А это Веточка...

И Астра (теперь и мы будем так называть букву А) представила ребятам все буквы алфавита. Только Мягкий Знак и Твёрдый никак по-другому не назывались, потому что у них были и без того длинные имена. Не была названа лишь одна буква Ш. Вы помните, конечно, что она заболела и лежала дома.

Саша и Алёша тоже хотели назвать свои имена, но Астра добавила:

— А как вас зовут, мы знаем. Вас зовут Саа и Алёа!

— Да, да, — радостно подхватили буквы, — Саа и Алёа! Алёа и Саа! Какие интересные имена!

Только теперь ребята стали понимать, в чём дело. Ведь Почерк сказал, что они не будут слышать буквы Ш!

— Безобразие! — заявил Саша. — Они не имеют права...

— Да брось ты! Дело какое, — ответил Алёша. — Не спорь и садись играть в аки, — он хотел сказать «садись играть в шашки», а получилось «садись играть в аки».

«Ну ладно же! — сердито подумал Саша. — Сейчас я им покажу аки!»

В это время Астра расставила на скамейке шашки и обринулась к Саше:

— Садись, Саа, я научу тебя играть в эту интересную игру.

Но когда через пять минут у Саши оказались сразу две дамки, Астра смущённо сказала:

— А ты, оказывается, настоящий аист!

— Сама ты аист! — обиделся Саша. — Проиграла и дразнится.

— И никто не дразнится, — обиделась Астра. — Я, наоборот, тебя хвалила.

— Да, хвалила! Ты бы меня ещё цаплей назвала!

— При чём здесь цапля? Цапля в аки играть не умеет, а аист умеет. Ты, наверное, и прежде умел играть?

— Приходилось, — с достоинством ответил Саша. Он не сразу понял, что аист — это шашист.

— Что это за игра! — презрительно заметил Твёрдый Знак. — То ли дело ахматы!

На этот раз ребята сразу поняли, о чём идёт речь. Тем более что и сами немного умели играть в шахматы.

— Что ж, — сказал Алёша.

— Сыграем, — подтвердил Саша.

— Ах так! — воскликнул Твёрдый Знак. — Сейчас получишь ах и мат!

— Какой ещё ах и мат? — спросил Саша.

— Самый настоящий.

— Это ты получишь ах и мат, — сказал Саша.

— Увидим! — крикнул Твёрдый Знак и, забыв о своей солидности, помчался за шахматами.

Если вы пересмотрите все учебники шахматной игры, вы всё равно не найдёте там партии, похожей на ту, которая была сыграна в Буквограде. А если всё-таки когда-нибудь шахматный историк захочет о ней написать, то он обозначит её так:

БУКВОГРАДСКАЯ ПАРТИЯ

Алёша и Саша (белые) —

Твёрдый Знак и Тюльпанчик (чёрные)

Правда, привести подробное описание самой партии историку не удастся, потому что она, к сожалению, не записывалась. А напрасно. В партии были и смелые жертвы, и коварные ловушки, и яркие комбинации.

Твёрдый Знак, желая быть вежливым, предложил гостям играть белыми, но зато позвал на помощь лучшего шахматиста своего алфавита — Тюльпанчика.

Сражение было очень бурным и очень долгим. После того как Алёша и Саша делали ход, Твёрдый Знак и Тюльпанчик отбегали в сторону и обсуждали создавшуюся позицию. Они так громко спорили между собой, доказывая, какой ход лучше, что с каждым разом отбегали всё дальше и дальше, чтобы их никто не услышал. А один раз, когда они прозевали фигуру, они убежали так далеко, что просто скрылись с глаз противников и зрителей. Мягкому Знаку даже пришлось бежать за ними и приводить обратно.

Саша и Алёша тоже с удовольствием убегали бы куда-нибудь, чтобы посоветоваться, но они решили, что это неудобно. Поэтому они сидели и тихо перешёптывались.

Все буквы внимательно следили за игрой и очень волновались. Прямо как настоящие болельщики. Одни болели за Сашу и Алёшу, другие — за Тюльпанчика и Твёрдый Знак. Но никто из них не произнёс ни одного слова, не подсказал ни одного хода. Все вели себя очень дисциплинированно.

Саша и Алёша уже вот-вот собирались выиграть, но в последний момент сами зевнули фигуру. Да ещё какую — ферзя!..

Поэтому необыкновенная буквоградская шахматная партия закончилась вничью.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*о Буквограде и о волшебнике,
который состоит из капелек*

Пожалуйста, не думайте, что Буквоград — маленький город. Конечно, он не такой огромный, как Харьков или Челябинск, но он и не маленький. Он просто средний город. В нём есть и улицы, и переулки, и тупики. Если смотреть на Буквоград с вертолёта, то видно, что похож он на большую букву Б. По кружку этой буквы идут две главные улицы: улица Разума и проспект Растущей Молодёжи. Они сходятся на площади Точности и Ясности. В одну сторону от площади идёт проезд Гамм, который ведёт к Музыкальному бульвару. В самом центре города расположен живописный парк Палочек. В парке движение транспорта запрещено, и Палочки могут гулять в полной безопасности.

Есть в Буквограде ещё одна улица. Да тут, пожалуй, лучше, если бы её не было вовсе. Это улица Разгильдяев, узкая, кривая и грязная. На ней не то что асфальта — и булыжника нет. Осенью по улице Разгильдяев можно пройти разве что в болотных сапогах. В самом конце улицы находится тупик Клякс, где круглый год не просыхают огромные лужи. Жители тупика Кляксы ходят такими грязными, что на главные улицы Буквограда их не пускают.

На краю города протекает река Строчка. Только в одном месте она пересекает Буквоград, как раз между Музыкальным бульваром и тупиком Точек. Здесь через Строчку переброшен мост. Однажды с этого моста в Строчку упала целая гамма. Её едва спасли. Ноте Ми пришлось даже делать искусственное дыхание.

Дома в Буквограде называются Букварями. Может быть, кого-нибудь из вас удивляет такое название? Наверное, до сих пор вы думали, что Букварём называется только книжка для первоклассников? Если так, то вы ошибаетесь. Представьте себе маленький двухэтажный домик. На нижнем этаже живут Палочки. Те самые Палочки, из которых вырастают буквы. Хотя Палочки ещё совсем маленькие, они уже ходят, бегают и едят. Правда, некоторые из них иногда капризничают и ещё не умеют стоять в строю. Но с каждым днём Палочки становятся всё понятливей и ровнее. Они быстро растут и в конце концов превращаются в настоящие буквы. Тогда их принимают в Алфавит и разрешают жить на втором этаже. А когда они становятся совсем прямыми и твёрдыми, они идут работать. Куда? Туда, где нравится. Кто любит литературу — идёт в стихи или рассказы, а кто технику — в книгу по технике.

Всё это буквы рассказали Саше и Алёше по пути в свой Букварь. Твёрдый Знак, который во всём любил точность, даже остановился и нарисовал план Буквограда.

В дверях Букваря стоял Почерк.

— Так вот, Саа и Алёа, — сказал он, — я позвал доктора к больной букве, но она исчезла. Теперь её здоровье и жизнь в опасности, а спасти её можете только вы. Так сказал доктор.

— А что мы должны делать? — спросил Алёша.

В это время на пороге появился доктор Поправочкин. Это был самый знаменитый доктор Буквограда. Его вызывали только к самым тяжёлым больным. Доктор строго посмотрел на Сашу и Алёшу и промолвил:

— М-да...

И Саша и Алёша испугались. Не очень, а так, чуть-чуть. Знаете, некоторые ребята почему-то боятся докторов. Им кажется, что доктор обязательно сделает больно. Ой, какие это

глупые ребята! Они лежат с повышенной температурой, у них болит голова или колет в боку, а иногда и то и другое вместе, а они боятся доктора. Они готовы хоть неделю лежать в кровати, ничего не есть, стонать и охать, лишь бы им не делали укола и не ставили горчичники. Им кажется несладким чай, кислым — суп, горькой — каша. И вот они лежат и болеют.

А всё это происходит потому, что эти ребята не знают, что живёт на свете один очень старый и очень могучий волшебник, которого зовут Здоровьем. Кто подружится с этим волшебником, тот станет самым сильным и самым смелым и того уж никто не одолеет. А ведь у Здоровья много врагов: и Холодный Ветер, и Слякоть, и Сквозняк, и, уж конечно, маленькие злые Микробы, которые только и ждут удобного случая, чтобы напасть на какого-нибудь слабенького мальчика или девочку и поскорее сделать их больными.

Подружиться со Здоровьем вовсе не трудно. Для этого надо только его увидеть. Где, спросите вы? О, вот это как раз самое сложное, потому что Здоровье состоит из маленьких-маленьких капель, таких маленьких, что их даже через увеличительное стекло не увидишь. А разбросаны эти капельки везде: их, например, очень много в утренней зарядке — если, конечно, зарядку делать каждый день и обязательно по воскресеньям. Эти капельки есть и в солнечном луче, и в воде, и в свежем воздухе. Они притаились и в супе, и в котлете, и в манной каше.

А если кто-нибудь из вас всё-таки заболает, он сможет найти очень важные капельки на листке горчичника или на кончике иголки, которой доктор делает укол.

Вы поняли, ребята? А теперь я раскрою вам самый главный секрет, иначе ничего у вас не получится.

Если вы хотите, чтобы Здоровье стало вашим другом, вам придётся все капельки собрать вместе: и те, что прячутся в утренней зарядке, и те, что блещут в солнечном луче, плавают в воде, носятся в свежем воздухе, и те, что притаились в супе, котлете и манной каше, потому что по отдельности капельки не действуют.

Один мальчик очень любил манную кашу, но боялся воды и не любил делать зарядку. Он только ел, ел и ел, стал толстым и неповоротливым и каждую неделю чем-нибудь болел.

А другой мальчик, наоборот, любил бегать и прыгать, но не любил есть. И он стал худым и бледным, и врачам пришлось отправить его лечиться в санаторий...

Но мы с вами заговорились, а в это время доктор Правочкин сказал:

— Ну что ж, Алёша и Саа, всё, собственно говоря, ясно!..

И с этими словами доктор спустился с крыльца и вышел на улицу.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой рассказывается
о правилах уличного движения
и о встрече с Ахом и Охом*

Саша и Алёша не знали, что и думать. Почему Почерк сказал, что здоровье и жизнь буквы зависят от них? И знаменитый доктор какой-то странный: даже не объяснил, что надо делать.

Размышления Саши и Алёши прервал Почерк.

— Ну, друзья, — сказал он, обращаясь к буквам, — я думаю, что теперь нам следует показать гостям Буквоград. И обязательно...

— Дворец Усердия! — хором подхватили все.

— Правильно! Вы поедете на «Стрелке». Поведёт «Стрелку»...

Почерк внимательно посмотрел на буквы. Все затаили дыхание.

— Поведёт «Стрелку» Слива.

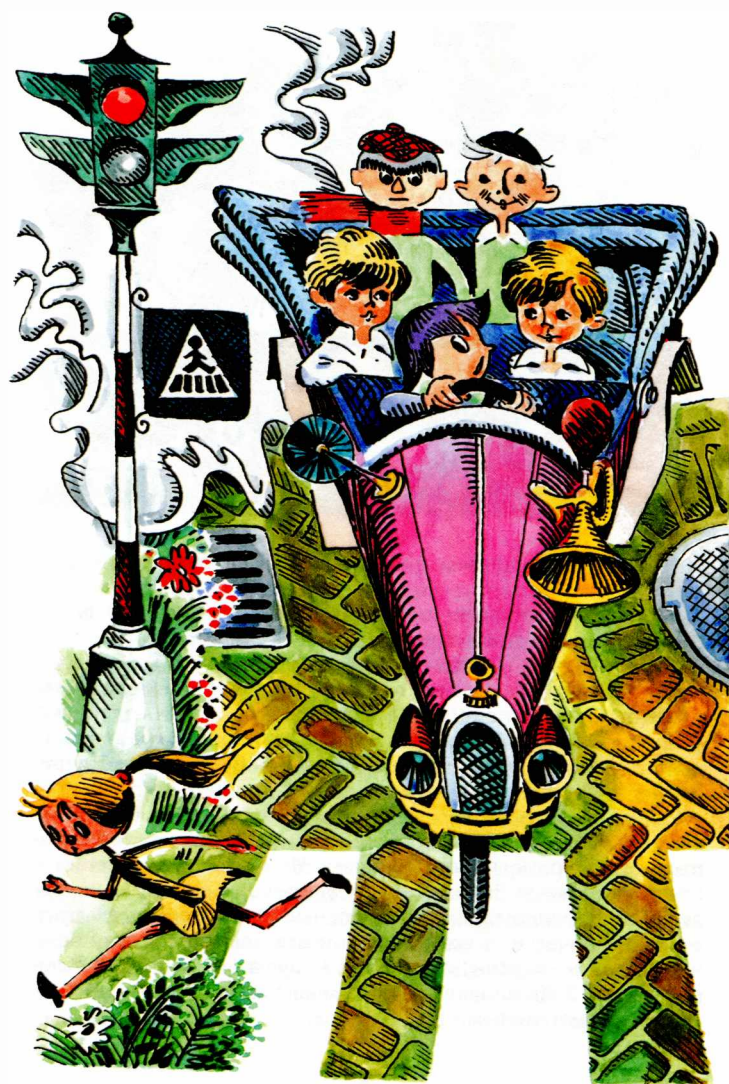
— Ой! — запрыгала от радости толстенькая Слива и побежала за Букварь.

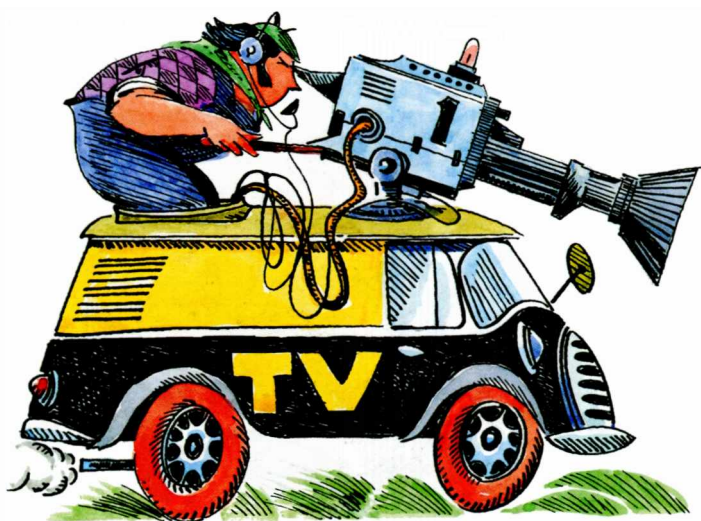
— А сопровождать ребят будут Твёрдый и Мягкий Знаки, — прибавил Почерк.

Через минуту послышался шум мотора, и из-за Букваря выехал маленький трёхколёсный автомобиль. Он и вправду был похож на стрелку — впереди узкий, а сзади широкий.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил Мягкий Знак и открыл дверцу машины.

— Мы ждём вас через два часа, — сказал Почерк, — счастливого пути!

— Спасибо, — неуверенно ответили Саша и Алёша и сели в машину.

Позади, на откидном сиденье, устроились Знаки. В ту же секунду машина тронулась.

Наверное, нет на свете ребят, которые не любили бы кататься на машине, особенно если она мчится с большой скоростью. Сливе, видно, тоже нравилась быстрая езда. Она уверенно сидела за рулём, нажимала ногами на педали и оглушительно сигнарила, если какая-нибудь Палочка перебегала улицу в неположенном месте.

Улицы Буквограда не имели тротуаров, а дорожки для пешеходов отделялись от мостовой узкими газонами, на которых росли яркие полевые цветы. На перекрёстках стояли Восклицательные Знаки. Они регулировали движение и следили за порядком. Восклицательный Знак гонимал руку в белой перчатке, и все машины и все пешеходы сразу останавливались. А если кто-нибудь нарушал правила, Восклицательный Знак сейчас же подзывал его и отводил на Скамью Несознательных.

Скамья Несознательных стояла у площади Точности и Ясности. Тот, кто попадал на неё, обязан был в течение двух часов читать книжку «Правила поведения на улице». Такая книжка имела у каждого Восклицательного Знака. Ровно через два часа приходил Вопросительный Знак и устраивал нарушителю экзамен. В книжке было пять глав: «Что такое улица?», «Как ходить по улице?», «Что такое светофор?», «Что такое автомобиль?», «Для чего нужны правила уличного движения?». И по каждой главе Вопросительный Знак задавал пять вопросов. Так что это был нелёгкий экзамен.

Обычно Скамья Несознательных пустовала. Но иногда на ней приходилось сидеть не только Палочкам, а даже некоторым взрослым буквам. Это было очень стыдно. Тем более что время от времени по улицам Буквограда проезжал телевизионный автобус, и если на Скамье Несознательных кто-нибудь оказывался, его немедленно показывали по всем программам телевидения в специальной передаче «Двойка по поведению».

Возможно, Саша и Алёша никогда и не узнали бы об этой скамье, если бы не Слива. Всю дорогу она говорила без

умолку и рассказывала обо всём, что видела и чего не видела. При этом она всё время вертелась за рулём и смотрела то на Сашу, то на Алёшу.

— Перестань разговаривать и следи за дорогой! — не держал Твёрдый Знак.

— Пожалуйста, не учи, сама знаю! — ответила Слива и опять оглянулась на ребят.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы внезапно не зачихал и не заглох мотор. Машина остановилась.

— В чём дело? — спросил Твёрдый Знак.

— Что-то с мотором, — ответила Слива. — Сейчас разберёмся.

Она выскочила из машины, а вслед за ней вышли Саша, Алёша и Знаки.

И в ту же минуту к машине подошли два человечка. Один из них был Ах, а другой — Ох. Они остановились и начали делиться впечатлениями.

— Ах, какой прекрасный автомобиль! — сказал Ах.

— Ох, что с ним стало! — добавил Ох.

— Ах, какой ужас — он не может ехать!

— Ох, как это неприятно!

— Ах, как это печально!

— Ох, как грустно!

— Ах-ах-ах!

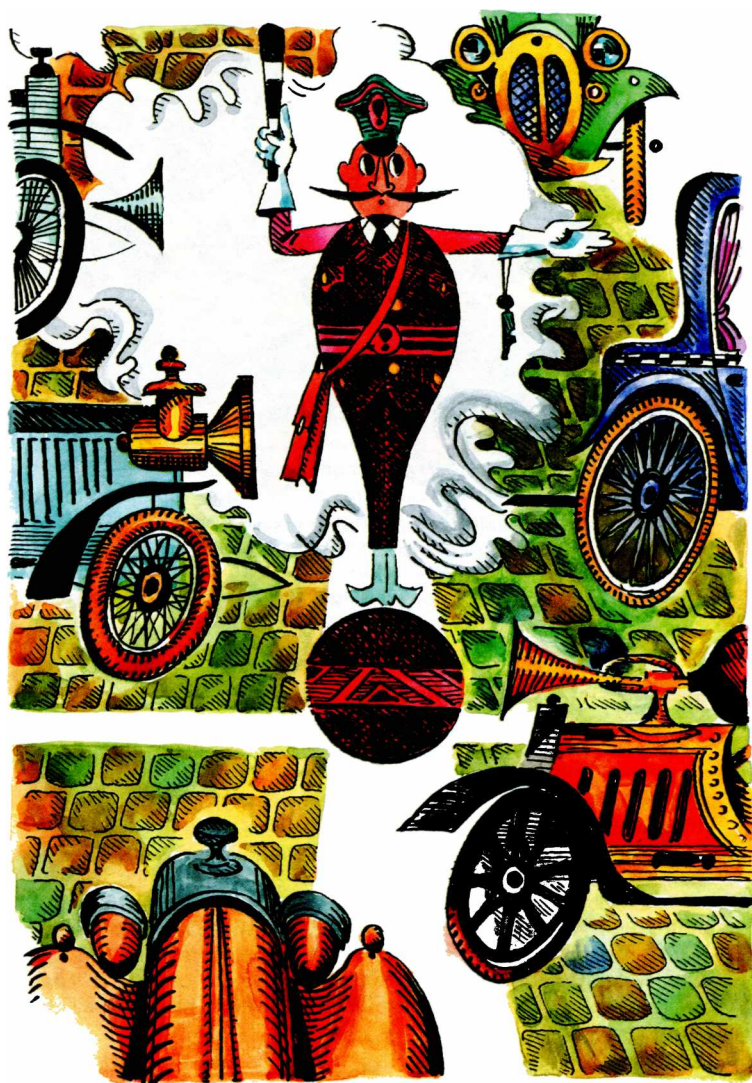
— Ох-ох-ох!

— Простите, вы не устали? — обратился к ним Мягкий Знак.

— Нечего с ними разговаривать! — отрезал Твёрдый Знак. — Эти бездельники могут простоять здесь целый день. Хотя долго стоять они не смогут — силёнок не хватит! Взгляните-ка на них! Видали! Ха-ха-ха!..

Действительно, было над чем посмеяться. Ах и Ох достали из карманов резиновые мешки и принялись что есть силы надувать их. Через минуту мешки превратились в большие резиновые кресла, в которые Ах и Ох тут же уселись и продолжили ахать и охать. Кажется, они и в самом деле решили расположиться надолго.

— Нет, вы только посмотрите на них! — возмущённо сказал Твёрдый Знак. — И угораздило же нас остановиться

именно здесь, у самой улицы Разгильдяев! А ну, убирайтесь отсюда! — вдруг крикнул он Аху и Оху. — А не то вам сейчас достанется!..

Но Ах и Ох не захотели выяснить, что им достанется. Они подхватили свои кресла и пустились наутёк.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*из которой мы узнаём, какая тяжёлая жизнь у принцессы
Лени и кто такой Кривпоч*

Слива совсем забыла про заглухший мотор. Она стояла и смотрела, как удирают Ах и Ох.

— Уважаемая Слива, каково твоё мнение: скоро ли мы поедем? — обратился к ней Мягкий Знак.

— Скоро, очень скоро! — бодро ответила Слива и, склонив голову на плечо, принялась рассматривать мотор. Ей, наверное, нравилось вот так стоять и смотреть на мотор. Она смотрела на него то справа, то слева, то сверху, то снизу. А вместе с ней смотрели Саша и Алёша, но понять, по-

чему мотор не работает, не могли. Да и сама Слива, кажется, не очень-то понимала, в чём дело.

В это время на улице Разгильдяев появилась странная процессия. Впереди, в большой детской коляске, лежала знаменитая принцесса Лень. Она выехала на прогулку до ближайшего перекрёстка и обратно. Такую прогулку принцесса совершала только раз в месяц. Ведь для этого ей приходилось вставать с кровати и спускаться по лестнице со второго этажа!

Не думайте, что принцесса была толстой и неповоротливой. Вовсе нет. Она была такой худенькой, что помещалась в детской коляске. Ведь принцесса почти ничего не ела. Во-первых, потому что ей было лень жевать и глотать, а во-вторых, потому что принцессе хотелось, чтобы у неё была самая тоненькая фигурка. Самая тоненькая! Это так изящно и так красиво! Вообще принцесса Лень считала, что красивее её нет никого на свете.

Она шила себе самые нарядные платья. Не сама, конечно, а приглашала портных, и портные очень мучились, придумывая ей очередной наряд, ведь принцесса была такой капризной. Она стонала и хныкала по любому поводу, и у неё почти всегда было плохое настроение. Ей казалось, что все окружающие существуют лишь для того, чтобы ухаживать за ней и угождать ей. И она счень злилась, если узнавала, что кто-нибудь занят другим делом. И к тому же, как вы догадываетесь, она очень любила поспать.

Вот и сейчас, во время прогулки, она сладко спала в своей коляске. Коляску везли две Кляксы. Их костюмы были давно не чищены, а ботинки никогда не встречались с гуталином и щёткой. Кляксы везли коляску очень странным образом. Они толкали её и, пока коляска катилась, стояли на месте, сладко зевая. Потом, еле передвигая ноги, они приближались к коляске и опять толкали её вперёд. За коляской шла ещё одна Клякса. Она везла самую обыкновенную кровать-раскладушку. Раскладушка стояла на роликах и легко катилась по земле.

Но вот процессия остановилась. Раскладушка была разобрана, и все три Кляксы улеглись на неё. На их круглых лоснящихся физиономиях было написано такое блаженство,

что, глядя на них, хотелось спать. И Кляксы действительно заснули. Сначала тихо, а потом всё громче и громче они начали похрапывать. Одна гудела, как шмель, другая урчала, как испорченный водопроводный кран, третья хрюкала, как голодный поросёнок. А все вместе они издавали такую «музыку», что у каждого, кто её слышал, начинали болеть здоровые зубы.

Принцесса зашевелилась и подняла голову. Тому, кто видел её впервые, могло показаться, что на голове у неё лежит большая жёлтая мочалка. На самом же деле это была причёска, и принцесса очень хотела, чтобы все видели это чудо парикмахерской техники.

Принцесса посмотрела вокруг, потом зевнула и произнесла:

— Ах, у меня совсем нет сил!.. Какое тяжёлое путешествие!.. Мы проехали почти половину улицы... Я так устала!..

И она в изнеможении откинулась на подушки. Но не успела принцесса закрыть глаза, как на улице появилось ещё несколько человечков. Среди них были уже знакомые нам Ах и Ох, а впереди всех шёл незнакомец в фиолетовом костюме и шляпе, похожей на перо. Его костюм был измят и покрыт пятнами, шляпа съехала набок, и было непонятно, каким об-

разом она держится на голове. Незнакомец шёл, качаясь из стороны в сторону. Это был Кривой Почерк по прозвищу Кривпоч.

Кривпоч шёл и пел такую песню:

*Гуляю я,
Гуляю я,
Гуляю целый день.
Один учитель у меня —
Моя принцесса Лень!*

*В чернильных пятнах
Мой костюм,
И шляпа набекрень.
Один учитель у меня —
Моя принцесса Лень!*

*Зачем читать?
Зачем писать?
Всё это — дребедень!
Один учитель у меня —
Моя принцесса Лень!*

После каждого куплета Ах и Ох восторженно повторяли:
— Ах, какая чудесная песенка!
— Ох, какая великолепная музыка!

А сам Кривпоч после каждого куплета кланялся принцессе.

Когда он спел свою песню, принцесса Лень томно улыбнулась и сказала:

— Восхитительно!..

Кривпоч заулыбался и гордо выпятил грудь.

Но вдруг он услышал храп. Тот самый храп, который издавали на все лады Кляксы, спавшие на раскладушке.

— Вот это музыка! — вскричал Кривпоч. — Ничего прекраснее в жизни не слыхал! Её надо записать на плёнку и заводить с утра до вечера!

— Ах, какой ансамбль! — воскликнул Ах.

— Ох, какое исполнение! — поддакнул Ох.

И, схватившись за руки, Ах и Ох стали танцевать.

Саша и Алёша стояли с открытыми ртами. Такого танца они не видели никогда.

Сначала Ах и Ох топтались на одном месте, потом они всё выше и выше начали вскидывать ноги, а под конец Ах решил перевернуть Оха через голову. Но Ох неудачно перевернулся и со всего размаха упал прямо на раскладушку! От неожиданности и испуга Кляксы завопили и вскочили на ноги, сбросив Оха на землю. Теперь уже завопил Ох, а испуганные Кляксы с удивительной проворностью сложили раскладушку и, толкая коляску с принцессой, умчались прочь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

*из которой становится ясно,
что хвастовством дела не сделаешь*

Кривпоч хотел последовать за принцессой, но неожиданно заметил наших друзей. Он подбоченился и, покачиваясь из стороны в сторону, с важным видом направился к ним.

— Привет, приятели! — насмешливо закричал он Сливе и Знакам. — У вас, я вижу, важное дело? Ха-ха-ха!..

— Здесь у вас приятелей нет! — отрезал Твёрдый Знак.

— Вы всё уяснили? — осведомился Мягкий Знак. Когда было нужно, он умел говорить насмешливо.

— Уяснил, я всё уяснил, мой миленький Мяконький Значок, — ответил Кривпоч и вдруг закричал пронзительным голосом: — Да знаете ли вы, с кем говорите?! Я — Почерк!

— Кривой, — вставил Твёрдый Знак.

— Подумать только, какие мерзкие буквы! Они считают, что если они такие чистенькие и аккуратненькие, то могут оскорблять почтенных граждан!

— Ах, какое безобразие! Ох, какое возмутительное безобразие! — запричитали Ах и Ох.

— Ну что за подхалимы! — поразились Слива.

— А я презираю аккуратность! Я ненавижу чистоту и всех чистюль на свете! Слыхали?! — кричал Кривпоч.

— Пожалуйста, не отвлекайте нас от дела, — сердито сказала Слива.

— Которого вам всё равно не понять, — добавил Мягкий Знак.

— Не понять?! Эти жалкие буквы, кичащиеся своей прямо-
мотой, смеют утверждать, что мне, Кривому Почерку, не по-
нять их дела! Да я весь этот ничтожный автомобильчик раз-
беру и соберу в две минуты!

— Неужели? — удивилась Слива.

— В самом деле? — спросил Мягкий Знак.

— Ах так! — зло сказал Твёрдый Знак. — Пожалуйста!
Слива, отойди от «Стрелки», дай Кривому Почерку испра-
вить мотор.

Слива отступила в сторону, и Кривпоч, усмехаясь, прибли-
зился к машине. Он натянул на руки грязные шёлковые пер-
чатки, а нос закрыл платком, смоченным одеколоном, чтобы
не чувствовать запаха бензина.

Приготовившись таким образом к работе, Кривпоч сво-
бодной рукой потрогал все три колеса по очереди, потом
вытянул шею, прищурил один глаз и заглянул в мотор. Но
так как в моторе он не понимал ровным счётом ничего, то
стал с учёным видом мзкать, хмыкать, экать и мдакать.

— Ммм... — замычал он, — дело... хм... эээ... серьёз-
ное... М-да... Хм... очень серьёзное... Хм... тут... гм... эээ...
требуется... эээ... ремонт... Испорчен... хм... насос... по-
вреждён... ммм... трос... сел... эээ... вентилятор... не кру-
тится... эээ... аккумулятор... М-да... хм... эээ... ммм...

— Ах, конечно, вентилятор, — закивал Ах.

— Ох, разумеется, аккумуля... аккумуля... ллятор, — закивал Ох.
Наши друзья покатались со смеху.

— Какой-то шут гороховый, — сказал Саша.

— А теперь смотрите! — объявил Твёрдый Знак.

Он открыл багажник, достал канистру с бензином и за-
полнил им бензобак. Потом он сел за руль, нажал на педаль
стартера, и мотор заработал. Кривпоч открыл рот, чтобы
сказать что-нибудь обидное, но не смог произнести ни сло-
ва. Может быть, он так бы и стоял с открытым ртом, а наши
друзья спокойно уехали, если бы не Мягкий Знак. Он решил
посмеяться над Кривпочем и спросил его:

— Скажите, пожалуйста, вы случайно не знаете, где на-
ходится мастерская по ремонту насосов, тросов, вентилято-
ров и аккумуляторов?

От злости Кривпоч сначала посинел, как баклажан, потом

пожелтел, как лимон, и наконец покрылся фиолетовыми пятнами, похожими на большие чернильные кляксы. Не говоря ни слова, он бросился на Мягкий Знак. Но в тот же миг Саша и Алёша схватили Кривпоча за руки. Ах и Ох громко закричали, а Кривпоч сделал только одно движение и, как угорь, выскользнул из рук Саши и Алёши. Они снова схватили его, но он опять так же ловко вырвался, перебежал на другую сторону улицы и оттуда закричал:

— Ого, чего захотели — справиться со мной! Вы думаете, это так просто? Нет, не так-то просто это сделать! Ведь вы не сумели даже сохранить свои имена, и недаром теперь вас зовут Саа и Алёа! Ха-ха! Это вы довели до болезни букву! А скоро из-за вас заболеют и все остальные! Очень скоро! Уж моя повелительница позаботится об этом! А больная буква скоро умрёт, и я с превеликим удовольствием приду на её похороны! Ха-ха-ха! Дважды два — пять! Трижды три — семь! Четырежды четыре — девяносто четыре!

Твёрдый Знак не стал дожидаться окончания речи Кривпоча — он дал газу, машина тронулась, и через полминуты Кривпоч и его компания остались далеко позади.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

*из которой мы узнаём, почему Кривпоч не ходит
на улицу Разума и кто живёт во Дворце Усердия*

Что больше всего поражало каждого, кто впервые попадал во Дворец Усердия, — это чистота. Собственно говоря, это был не дворец, а простой одноэтажный дом, сложенный из самого обыкновенного кирпича. Но он был таким чистым снаружи и внутри, что его действительно хотелось назвать дворцом. Во дворце был образцовый порядок: любая вещь, даже самая маленькая, всегда находилась на одном и том же месте. И не было случая, чтобы кто-нибудь нарушил это правило.

Дворец Усердия стоял на улице Разума, и его двери были всегда для всех открыты.

И только Кривпоч старался даже близко не подходить к этому дворцу.

Когда кто-нибудь спрашивал его, почему он не ходит по улице Разума, он отвечал небрежно:

— А что, собственно говоря, мне там делать?

Так отвечал Кривпоч, чтобы все думали: какая самостоятельная личность! На самом же деле Кривпоч просто боялся. Да-да, боялся! Несколько лет назад он вместе с буквами из своей компании задумал прогуляться по улице Разума, зайти во Дворец Усердия и посмеяться над его хозяйкой. Но смеяться ему не пришлось.

Едва Кривпоч ступил на улицу Разума, как его спутники почему-то замолчали. Даже Ах и Ох перестали восторгаться его знаменитой песенкой. И, если говорить честно, сам Кривпоч пел без особого воодушевления. Всё это было так странно! Но Кривпоч не придавал значения подобным мелочам и преспокойно вошёл во дворец. И вот тут-то...

Впрочем, никто до сих пор не знает, что произошло потом. Известно только, что из Дворца Усердия Кривпоч вернулся один. Ах и Ох в тот самый момент, когда все входили во дворец, вдруг испугались и убежали домой. Что стало

с остальными буквами — неизвестно. Говорят, они исправились, стали прямыми и красивыми, а некоторые настолько выросли, что превратились в заглавные.

Кривпоч даже заболел с горя. Несколько дней он не показывался на улице Разгильдяев и не пел свою любимую песенку. Он так изменился, что однажды собрал восемь букв: одну О, одну Б, две Е, одну Щ, одну А, одну Н, одну И и составил из них ОБЕЩАНИЕ. Он стал давать ОБЕЩАНИЕ всем, кому только мог. Он давал ОБЕЩАНИЕ, что выстирает свой костюм, но не стирал его, и ОБЕЩАНИЕ возвращалось к нему назад; говорил, что починит мостовую на улице Разгильдяев, но не делал этого, и опять ОБЕЩАНИЕ возвращалось назад. Кривпоч клялся, что начнёт работать, снова давал ОБЕЩАНИЕ, и снова ОБЕЩАНИЕ возвращалось. Короче говоря, он так измучил все восемь букв, что они заболели — у них началось головокружение и появилась слабость в ногах. Кончилось тем, что они попали в больницу к доктору Поправочкину. А Кривпоч сразу же забыл о них. Тем более что принцесса Лень буквально не отходила от него

ни на шаг. Каждый раз, когда Кривпоч давал своё ОБЕЩАНИЕ, принцесса очень волновалась. Считая, что это приступ тяжёлой болезни, она начинала самоотверженно ухаживать за Кривпочем. И наконец Кривпоч выздоровел. В один прекрасный день он вышел на улицу и запел:

*Зачем читать?
Зачем писать?
Всё это — дребедень!
Один учитель у меня —
Моя принцесса Лень!*

И всем стало ясно, что Кривпоч здоров, как прежде.

Вот с тех-то самых пор он стал обходить стороной улицы Разума.

...А жила во Дворце Усердия одна девочка. Звали её просто — Люба, а ещё называли её хозяйкой дворца. Каждый, кто видел Любу первый раз, очень удивлялся: она была необыкновенно похожа на принцессу Лень. У неё были такие же глаза, такой же нос и такой же рот.

Но в глазах принцессы жила только сонливость, нос принцессы только высокомерно морщился, а рот принцессы только капризно кривился.

А глаза Любы были всегда веселы, её нос никогда не задирался вверх, а был подвижным и любопытным, и рот Любы всегда улыбался. Поэтому всем, кто находился рядом с ней, было легко и весело.

Ходили слухи, что Люба и принцесса Лень — сёстры, но Люба никогда не говорила об этом и никому не разрешала называть себя принцессой. Только Почерк считал её своей повелительницей.

Это вместе с ним Люба строила Буквоград. Она сама нарисовала на земле огромную букву Б. Причём она очень старалась, и поэтому улицы Буквограда получились ровными и красивыми. Но пока Люба занималась этим важным делом, Кривпоч по указанию принцессы Лени пририсовал к букве хвостик, кривой и тоненький. Когда Люба и Почерк закончили строительство города, они увидели этот хвостик. Но было уже поздно: хвостик превратился в улицу Разгильдяев, и все лентяи и неряхи стали жить на этой ули-

це. А Кляксы заняли целый тупик. Из этого хвостика по всему городу разносилась грязь. Особенно много грязи таскали Кляксы. Пришлось дать указание Восклицательным Знакам не пускать их на другие улицы города.

Люба вставала очень рано и целый день что-нибудь делала. Она просто не могла сидеть спокойно. Она так чистила и убирала свой дом, как будто приближался большой праздник. Поэтому каждому, кто приходил к ней, казалось, что в доме всегда праздник. И у каждого вдруг появлялось желание сделать что-нибудь хорошее. И главное, это желание не пропадало и после того, как посетитель покидал дворец. Неряха смущенно прятал в карманы грязные руки и давал себе слово, что отныне будет самым аккуратным на свете, а лентяй мучительно краснел от стыда и решал, что больше никогда не поздоровается с принцессой Ленью.

Недаром в городе считали, что Дворец Усердия и его хозяйка обладают волшебной силой. Когда Люба слышала это, она очень обижалась. Никакой волшебной силы нет, говорила она. Но ей никто не верил. Настоящие волшебники — скромные люди, они никогда не хвастают своим могуществом. В конце концов

вера в волшебную силу Любы и её дворца до того укрепи-
лась, что стали поговаривать, будто не только дворец, но
и вся улица Разума обладает такой силой. Что будто на этой
улице какой-то особенный воздух. Ведь это была единствен-
ная улица в Буквограде, на которой не случалось никаких
происшествий. А если к тому же вспомнить про болезнь
Кривпоча, то можно было и вправду поверить, что воздух
на улице Разума волшебный.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*о том, как торопливость приводит
на Скамью Несознательных*

Твёрдый Знак сидел за рулём и не произносил ни слова. Он
сдвинул брови, и они стали похожи на мохнатую гусеницу,
которая иногда сердито шевелилась. Все молчали.

Слива — потому что ей было стыдно. Так осрамиться: за-
быть, что кончился бензин! Что подумает Почерк, что скажут
буквы! А ведь она считается неплохим водителем. Когда
в Алфавите организовали автокружок, она записалась в него
самой первой. К тому же она лучше всех делала повороты,
давала задний ход и быстрее всех могла развернуть маши-
ну в самом узком переулке. Правда, с теорией дело обсто-
яло намного хуже.

Есть ещё такие ученики. Вызывает его учитель к доске
и спрашивает: «Сколько будет шесть плюс семь?» А ученик
отвечает: «Три». И вовсе не потому, что не знает, просто
в это время он смотрит в окно и видит, как ребята из дет-
ского сада катаются на трёхколёсных велосипедах. И это ка-
жется ему таким интересным и важным, что он говорит
первое, что приходит ему в голову. А когда в классе раз-
даётся смех, растерянно спрашивает: «А? Что?»

Примерно так было и со Сливой. Но всё-таки ей разре-
шили ездить по улицам Буквограда. И она ездила. До тех
пор, пока не случалась какая-нибудь поломка. Тогда Слива
начала ходить вокруг машины, заглядывать в мотор, но
в конце концов звонила на аварийную станцию и просила
помощи.

Вот и сегодня дело едва не кончилось плохо. Ведь если бы не Твёрдый Знак, она стала бы посмешищем всей улицы. Да ещё какой улицы — Разгильдяев! И всё из-за того, что забыла про бензин! Зачем только она разговаривала с этими противными мальчишками!.. Ну что в них особенного? Обыкновенные мальчишки. Правда, они смелые, ничего не скажешь. Как они схватили за руки Кривпоча!.. И вообще, если разобраться, они, пожалуй, тут ни при чём. Она сама во всём виновата.

Мягкий Знак думал о том, что только такие невежественные люди, как Кривпоч, пускают в ход кулаки, когда им нечего сказать.

А Саша и Алёша, каждый про себя, тоже думали о Кривпоче. Почему он так легко выскользнул из рук? Ведь они держали его очень крепко! Может быть, он волшебник? И потом, что значат его последние слова? Неужели букве Ш суждено погибнуть? И другим буквам тоже?..

А «Стрелка» между тем мчалась по Буквограду. Она пересекла площадь Точности и Ясности и выехала на широкую улицу.

Тут Слива вспомнила, что ей поручено показать Саше и Алёше Буквоград, и принялась объяснять.

— Мы едем по проезду Гамм, — начала она. — Здесь живут ноты. Знаете, как они играют и поют?! Заслушаться можно! А сейчас...

Неожиданно «Стрелка» остановилась.

— Кирпич, — сказал Твёрдый Знак и добавил мрачно: — Не везёт, так не везёт!

Перед въездом на Музыкальный бульвар стоял знак, который водители называют «кирпичом». Такой знак указывает, что проезд в данном месте запрещается.

— Как жалко! — огорчилась Слива. — Бульвар закрыт. А вот и Ключи: Скрипичный и Басовый.

— Если вы любите музыку, то её можно послушать и отсюда, — предложил Мягкий Знак, и все, кроме Твёрдого Знака, вышли из машины и поздоровались с Ключами.

— Добрый де-е-е-ень! — пропели в ответ Ключи: Басовый — басом, а Скрипичный — тенором.

— Бульва-а-ар закры-ы-ы-ыт! — пропел Басовый Ключ.

— Иду-у-ут заня-я-я-я-тия! — подхватил Скрипичный.

Все остановились на углу проезда Гамм и Музыкального бульвара. Вдоль всего бульвара, прямо по земле, тянулись пять ровных линий тёмного цвета. На линиях и между ними расположились ноты: большие — целые, поменьше — половинки, ещё меньше — четверти, совсем маленькие — восьмушки, совершенно крошечные — шестнадцатые и ещё совсем-совсем малюсенькие. И все они беспрерывно двигались. Они становились то по одному, по двое, по трое, по четыре, то в ряд, то лесенкой, то ещё как-то. И пока они двигались, звучала задорная песенка:

*Мы всегда поём с охотой —
Нас об этом не проси,
Потому что все мы — ноты:
ДО, РЕ, МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ!*

*И на ровненьких линейках
Вам станцует, как никто,
Музыкальная семейка —
СИ, ЛЯ, СОЛЬ, ФА, МИ, РЕ, ДО!*

*Можем быстро, можем плавно,
Всех на свете веселя.*

*До чего ж поётся славно —
РЕ, ФА, СОЛЬ, СИ, ДО, МИ, ЛЯ!*

*Мы всегда и всюду вместе,
Мы проснулись на заре
И запели звонко песню —
ДО, СИ, ЛЯ, ФА, СОЛЬ, МИ, РЕ!*

Песенка была такая весёлая, что Слива стала подпрыгивать в такт, а Саша, Алёша и Мягкий Знак заулыбались. Но тут «Стрелка» загудела.

— Прекрати-и-те! — грозно забасил Басовый Ключ.

— Не-ме-ед-ленно! — тенором добавил Скрипичный.

Слива недовольно повернулась в сторону Твёрдого Знака.

— Мы опаздываем! — строго сказал тот, и все вернулись к машине.

...Когда до улицы Разума оставалось совсем небольшое расстояние, позади «Стрелки» послышался какой-то треск.

Саша и Алёша оглянулись и увидели, что за машиной мчится велосипедист и машет им рукой.

— Нас кто-то догоняет, — сказал Саша, — давайте затормозим.

— Некогда, — ответил Твёрдый Знак и ещё сильнее нажал на педали.

Но и велосипедист увеличил скорость. А так как на улице было много машин и очень быстро Твёрдый Знак ехать не мог, расстояние между машиной и велосипедом стало сокращаться, и скоро велосипедист поравнялся с машиной.

— Смотрите, это Ёжик! — крикнула Слива. Она сразу была обо всех неприятностях и стала смеяться как ни в чём не бывало.

— Какая радость — Ёжик! — проворчал Твёрдый Знак.

В этот миг Ёжик одной рукой схватился за дверцу машины.

— Эй, Твёрдый Знак! — крикнул он. — Я должен тебе сообщить...

— Убери руку! — ответил Твёрдый Знак.

— Одну минуту!.. Я хочу тебе сказать...

— Я кому говорю — убери руку!.. Мы столкнёмся!

— Да подожди!.. Я должен...

— Сейчас же отпусти дверцу!..

Пока они спорили таким образом, машина и велосипед продолжали мчаться совсем рядом, что было, конечно, очень опасно для Ёжика.

Так они выехали на площадь Точности и Ясности.

И вдруг раздался свисток Восклицательного Знака.

— Так я и знал, — проворчал Твёрдый Знак.

От неожиданности Ёжик нажал на ручку дверцы, дверца распахнулась, и Ёжик, потеряв равновесие, упал прямо на газон с ромашками. Твёрдый Знак чуть не вылетел из машины. В последний момент он ухватился за рулевое колесо, машина сделала резкий поворот и едва не врезалась в соседний автомобиль.

Всё это произошло в какую-нибудь четверть минуты. Когда Восклицательный Знак подбежал к месту происшествия, Ёжик успел подняться с газона и теперь стоял огорчённый в ожидании наказания. Твёрдый Знак, красный как рак, вышел из машины и с силой захлопнул дверцу.

— Вот видите, — сказал Воскликательный Знак, — к чему приводит несоблюдение правил уличного движения! Велосипедист не имеет права хвататься за автомобиль. А водитель обязан тормозить. Вы же ничего этого не сделали.

— У меня было важное сообщение, — тихо сказал Ёжик.

— А мы очень торопились, — ещё тише сказала Слива.

— Тем более, — внушительно заметил Воскликательный Знак. — Чтобы не опоздать, не надо торопиться! А теперь следуйте за мной.

С этими словами Воскликательный Знак сел в «Стрелку», быстро развернул её и поставил у газона, чтобы она не мешала движению. Потом он опять подошёл к нарушителям, ещё раз сказал: «За мной!» — и направился к Скамье Несознательных.

Из проезжающих машин высовывались любопытные лица, пешеходы останавливались, все с интересом наблюдали за происходящим. Ещё бы! Такого количества нарушителей здесь ещё не видели.

Когда Ёжик и Твёрдый Знак сели на Скамью Несознательных, Воскликательный Знак внимательно посмотрел на них, затем достал из своей сумки бутылочку с йодом и смазал Ёжику ссадины на лбу и на коленках. Ёжик закричал: «Ой-ой-ой! Щипет!..» Он начал дуть себе на коленки, а Слива стала дуть ему на лоб.

— Эх ты, нытик! — сказал Твёрдый Знак. — Ты ещё легко отделался!

— Правильно! — подтвердил Воскликательный Знак. — А теперь — внимание!

Он открыл свою сумку и достал из неё две книжки «Правила поведения на улице». Одну книжку он вручил Ёжику, другую — Твёрдому Знаку.

— Вам даётся ровно два часа. — Он приложил руку к фуражке и ушёл.

Слива сразу начала плакать.

— Ой, что мы наделали! — всхлипывала она. — Мы не попали во Дворец Усердия! Мы сидим на Скамье Несознательных! Что теперь будет?..

— Перестань хныкать! — оборвал Сливу Твёрдый Знак.

— Я и не хнычу! — обиделась Слива. — И откуда взялся

этот противный Ёжик? Если бы не он, мы были бы уже во дворце.

— Нигде бы вы не были! — заявил Ёжик. — Вас вызывает Почерк!

— Прекратите разговоры! — крикнул Твёрдый Знак. — Я не могу изучать «Правила поведения на улице» в такой обстановке. Тебе, Ёжик, я тоже советую приняться за чтение, если ты не намерен задержаться на этой скамье ещё на два часа!

И Твёрдый Знак отодвинулся на самый край скамьи, чтобы никто ему не мешал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой становится известна страшная тайна
и принимается план действий*

Ёжик тоже взял книгу и сел на другой конец скамьи. Сначала медленно, потом всё быстрее он начал перелистывать страницы и когда дошёл до конца, бросил взгляд в сторону Твёрдого Знака. Тот усердно читал первую главу «Что такое улица?» и ни на кого не обращал внимания. Ёжик огляделся: Слива и Мягкий Знак сидели на траве и о чём-то оживлённо говорили. А Саша и Алёша стояли под деревом и озирались по сторонам.

Позади них начинался большой парк. В другое время они наверняка начали бы его обследовать, но сейчас им было не до этого. Слова Кривпоча не выходили у них из головы.

Убедившись, что поблизости никого нет, Ёжик кашлянул, как будто у него запершило в горле. А на самом деле он хотел привлечь внимание Саши и Алёши. Но те ничего не слышали. Ёжик кашлянул сильнее. И опять Саша и Алёша даже не посмотрели в его сторону. Тогда Ёжик так раскашлялся, что, будь поблизости доктор, он немедленно отвёз бы Ёжика в больницу.

Саша и Алёша оглянулись. Ёжик поманил их пальцем, покосился в сторону Твёрдого Знака и приложил палец к губам. Саша и Алёша поняли, что Ёжик хочет сообщить им что-то секретное. Они подошли к нему, и он жестом показал,

чтобы они сели на траву рядом со скамьёй. После этого посмотрел в книгу, сделал вид, что читает, и шёпотом заговорил:

— Только спокойнее... Я знаю, что сказал вам Кривпоч. Мне известно всё. Только спокойнее... Кривпоч и его принцесса Лень задумали погубить все буквы! Представляете? Ведь тогда никто не сможет разговаривать. Все будут только мычать! Представляете? Так вот... Сегодня я случайно узнал... Только спокойнее... Не двигайтесь и не смотрите на меня. Я узнал, где находится буква...

— Где?! — подскочил Саша.

— Только спокойнее... Когда я остановился возле бензоколонки, чтобы заправить велосипед, рядом со мной оказались Ах и Ох, приятели Кривпоча. Они говорили о какой-то пещере Кривпоча...

— О пещере?..

— Только спокойнее... Эта пещера находится к югу от Буквограда в глухом лесу, и ведёт к ней одна тропинка... Видели бы вы, как хихикали эти Ах и Ох! Пусть, говорят, эти противные Саа и Алёа катаются по Буквограду, а пока все буквы умрут, и цифры умрут, и ноты тоже умрут! И тогда не надо будет писать, читать, считать и петь! И тогда мы назовём Буквоград Кляксоградом! Представляете? Ведь если я умру, то тебя, Алёа, будут звать не Алёа, а просто Ала. Как девочку!

— Ну вот ещё! — сказал Алёша.

— А если Слива умрёт, то тебя, Саа, будут звать не Саа, а просто Аа.

— Как бы не так! — сказал Саша.

— Только спокойнее... Ах и Ох не знали, что я запоминаю каждое их слово. Теперь мы скажем Почерку...

— Не надо! — решительно сказал Саша.

— Что не надо?

— Не надо говорить Почерку. И вообще не надо никому ничего говорить. Я придумал план. Сейчас мы с Алёей тихо встанем и пойдём... Это что за лес?

— Это парк.

— Так вот, слуай. Мы пойдём по этой дорожке и в конце её будем тебя ждать. Заодно мы прихватим твой велосипед.

— Только не заводите мотор, — предупредил Ёжик.

— Само собой, — ответил Саша. — А когда мы встретимся, сразу отправимся...

— На поиски пещеры Кривпоча! — подхватил Ёжик и тут же спохватился: — А как же Скамья Несознательных? А что скажет Почерк?

— Спасибо скажет, — не задумываясь, ответил Саша. — Ведь мы же спасём букву! Верно, Алёша?

— Верно-то верно, — почесал затылок Алёша. — Но ведь это, наверное, очень далеко?

— Испугался! — насмешливо сказал Саша. — Эх ты!

— И ничего я не испугался! Просто я хотел сказать, что надо запастись провизией. Все путешественники запасаются провизией.

— Вот это правильно! — сказал Саша. — Я совсем забыл.

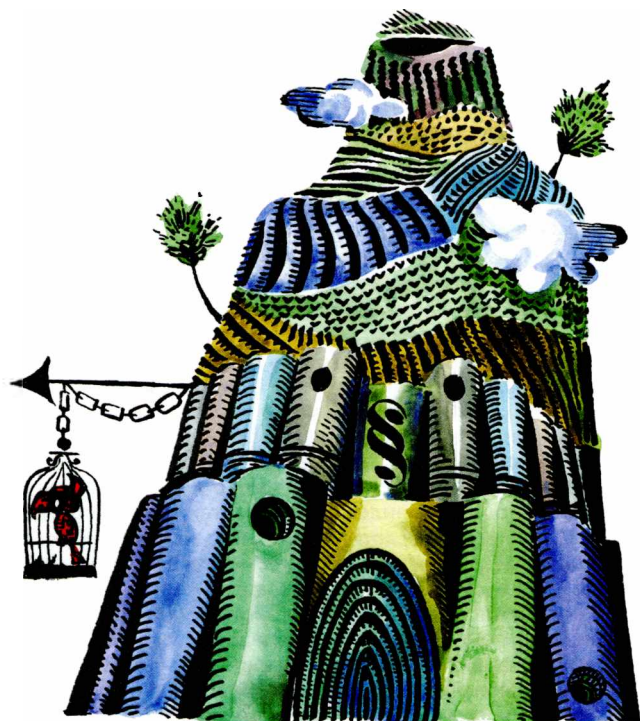
— Только спокойнее, — прошептал Ёжик и покосился в сторону Твёрдого Знака. — Провизию я достану.

— Побольше, — сказал Алёша.

— Здесь разговаривать опасно, — предупредил Саша. — Встретимся — поговорим.

С этими словами Саша и Алёша встали и как ни в чём не бывало направились к велосипеду Ёжика. У велосипеда они остановились, а потом пошли дальше, причём Алёша катил велосипед рядом с собой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В СТРАНЕ БУКВОЕДОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*которая убеждает в том,
что смекалка полезна в любом деле*

Яркое солнце поднялось в небо и стало весело светить во все стороны. Оно осветило города, поля, луга, лесные поляны... И только в дремучем лесу было темно. Солнечные лучи наткнулись на густые ветви деревьев и запутались в них. Но когда солнце поднялось выше и стало светить сильнее, маленькому лучику удалось пробраться сквозь ветви, и он весело заплясал по усыпанной листьями земле. А вслед за ним пробрались и другие лучики. Они были очень тоненькие и тоже весёлые. Они запрыгали по земле, по деревьям и по кустам. Когда налетал ветер и начинал шевелить листву деревьев, лучики испуганно бросались врассыпную. Но стоило ветру улететь дальше, как они опять начинали свой весёлый танец.

В самом начале леса, где листва была не такая густая, лучиков собралось особенно много. Так много, что некоторые из них сливались вместе, становясь большими лучами, и светили очень ярко. Большие лучи не прыгали, как маленькие, они двигались медленно и солидно.

Один такой луч не торопясь прошёл по стволу дерева, опустился вниз и вдруг наткнулся на ботинок, на самый обыкновенный ботинок тридцать третьего размера. Сначала луч удивлённо остановился, а потом так же неторопливо двинулся дальше. Он осветил чью-то ногу и наконец добрался до головы. Луч брызнул всем своим светом прямо в чьё-то лицо. Лицо сморщилось, веки задрожали и открылись. Сначала глаза посмотрели сонно, потом удивлённо. Потом испуганно... и в ту же минуту раздалось:

— Ребята! Вставайте! Мы проспали!..

Какой знакомый голос... Ну конечно, это Саша! Хорошо, что солнечный луч разбудил его, а иначе он спал бы, как и все остальные.

И всё-таки досадно! Договорились проснуться в два часа ночи, чтобы незаметно пробраться к пещере Кривпocha, а сами проспали!.. Саша посмотрел на друзей и увидел, что те продолжают спать. Тогда он подошёл к велосипеду Ёжи-

ка и завёл мотор. Мотор так затрещал, что Ёжик мигом вскочил на ноги, однако Алёша только перевернулся на другой бок.

— Ну мамочка, — пробормотал он во сне. — Ну ещё пять минуточек.

— Мамочка! — засмеялся Ёжик. Он нагнулся к самому уху Алёши и сказал басом: — Пещера Кривпоча!

И в ту же секунду Алёша проснулся.

В лесу было прохладно, но костёр решили не разжигать, чтобы не тратить время. Ёжик достал из рюкзака печенье и термос с компотом. Все выпили по чашке компота и съели по два печенья. Алёша хотел съесть ещё, но Саша сказал, что еду надо экономить, ведь неизвестно, сколько продлится путешествие.

— Ну и провизия, — проворчал Алёша. — А хвалился: достану, достану!

— Во-первых, я не хвалился, — ответил Ёжик. — А во-вторых...

— А во-вторых, терпи, не маленький, — перебил Саша.

— Ты-то очень большой! — сказал Алёша. — Как хотите, а я с такой едой не пойду.

— Значит, пусть она погибает, да? — крикнул Саша. — Пусть погибает? Идём, Ёжик!

И Саша зашагал по тропинке. Ёжик поднял с земли велосипед и двинулся следом. Алёша немного постоял, а потом пошёл за ними.

Тропинка, по которой они шли, вела точно на юг. Это было проверено по компасу Ёжика. Она была узкая и неровная, на каждом шагу её пересекали корни деревьев, поэтому идти было очень трудно. Но ребята шли не останавливаясь. Ведь они во что бы то ни стало должны спасти букву!

Внезапно лес кончился и показалось большое поле, покрытое цветами. Тропинка сделалась широкой и ровной — идти стало намного легче. Вскоре она начала спускаться вниз, вдали заблестела вода.

— Ура! — крикнул Саша. — Река!

— Ура! — подхватил Ёжик.

— Может, тут есть щавель? — спросил Алёша и огляделся. — Можно было бы поесть.

— Какой тебе ещё щавель! — сказал Саша. — Садись, поехали!

Ёжик сел в седло велосипеда, Алёша — на раму. Саша подтолкнул велосипед, а когда тот покатился, прыгнул на багажник, и все трое помчались вниз по тропинке. Хорошо, что в последний момент Ёжик затормозил, иначе путешественники угодили бы прямо в реку. И ещё неизвестно, чем бы всё это кончилось.

Река была неширокая, но глубины её никто не знал. Друзья стояли и думали, как им перебраться на другой берег. Вот если бы хоть маленький мостик!.. Но никакого мостика поблизости не было.

И тут Алёша заметил, что по реке плывут старые деревья, и предложил построить плот. Саша и Ёжик немедленно согласились. Но как достать деревья, если они плывут в трёх метрах от берега?.. А надо вам сказать, что ни Саша, ни

Алёша, ни Ёжик не умели плавать. Правда, Саша мог проплыть метра полтора, а Алёша, может быть, два, но согласитесь, что этого мало, когда хочешь вылавливать деревья и строить плот на незнакомой реке.

А что если снять с колёс велосипеда резиновые камеры, надуть их посильнее и поплыть на них, как на спасательных кругах? Правда, здорово?

С помощью Саши и Алёши Ёжик быстро снял обе камеры, и через несколько минут были готовы настоящие спасательные круги. Но так как было только два круга, решили, что поплывут Саша и Алёша.

Ребята разделись, надели на себя спасательные круги и вошли в воду. В первый момент вода показалась такой холодной, что Саша сказал:

— Ого-го!

А Алёша добавил:

— Ух ты!

И они оба выскочили на берег.

— А как же буква? — нахмурился Саша. — Может быть, она уже умирает?

И они опять вошли в воду.

В двух метрах от берега маленькому Алёше воды стало по пояс. Он остановился, почесал затылок, вздохнул и лёг животом на воду. Придерживая левой рукой шину, он начал грести правой и поэтому только кружился на одном месте. Тогда Алёша перехватил шину правой и начал грести левой и снова закружился в воде, только в другую сторону. Наконец это ему надоело, он перестал двигаться и стал думать, как бы всё-таки поплыть вперёд. Пока он размышлял таким образом, Саша вышел на середину реки. Обеими руками он крепко держался за шину в ожидании минуты, когда дно оборвётся под его ногами, но дно оставалось ровным.

— Алё! — крикнул Саша. — Перестань плавать! Я на середине!

Саша и Алёша поймали несколько деревьев и подогнали их к берегу. Запасливый Ёжик кинул им верёвку, и они начали вязать плот.

Это была нелёгкая работа — скользкие стволы крутились под руками, но Саша и Алёша всё-таки связали их с одного

конца. Как ни рылся Ёжик в своём рюкзаке, больше ни кусочка верёвки он найти не мог. Тогда в ход были пущены ремни от брюк. И через несколько минут тяжело нагруженный плот с тремя пассажирами и велосипедом на борту был готов к отплытию.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой рассказывается о загадочной надписи
и о том, как проходила переправа*

Саша и Алёша вооружились длинными палками и стали отталкиваться от берега. Плот медленно двинулся к середине реки. Ёжик не умел плавать и очень боялся утонуть, поэтому сидел на корточках на середине плота и держался за толстый сук. Время от времени он говорил:

— Только спокойнее... Не торопитесь... Только спокойнее...

Но Саша и Алёша не слушали Ёжика. Они первый раз в жизни управляли плотом, и это оказалось не таким-то лёгким делом даже на неглубокой речке. Течение старалось унести плот вниз по реке, плывшие куски деревьев мешали приблизиться к противоположному берегу, палки, которыми Саша и Алёша отталкивались от дна, были тяжёлыми и неудобными. И всё-таки наши путешественники переправились бы через реку благополучно, если бы Ёжик вдруг не закричал:

— Саа! Алёа! Смотрите!

Саша и Алёша оглянулись. Ёжик стоял на коленях и что-то внимательно рассматривал.

— Что ещё случилось? — недовольно спросил Саша.

— Идите скорее сюда! — крикнул Ёжик.

Саша и Алёша вытащили из воды свои палки и осторожно, чтобы плот не перевернулся, приблизились к Ёжику.

— Смотрите! — сказал Ёжик. — Здесь что-то написано!

— Что это? — спросил Саша.

— Не знаю, — ответил Ёжик.

Надпись была очень странная. Это была даже не надпись, а несколько рядов цифр, выжженных на дереве.

— Здесь какая-то тайна, — сказал Саша. — Эти цифры надо переписать.

Он достал листок бумаги, карандаш и всё переписал.
Вот что у него получилось:

19	17	6	26
10	20	6	15
1	17	16	14
16	27	30	33
3	17	13	6
15	21	21	2
21	12	3	16
6	5	16	3

— Да, — проговорил Саша, — удивительно!

— Мало сказать удивительно! — зашептал Ёжик и оглянулся. — Только спокойнее...

— Испугался! — сказал Саша, но на всякий случай тоже оглянулся. — Если мы начнём бояться, то никогда ни одной тайны не раскроем! Знаете, что это такое? Это ифр! — Саша хотел сказать «шифр», а получилось «ифр». — Ифр! Понимаете? Ну, тайное письмо. Так всегда пиут, чтобы не поняли враги. Мы обязательно разберём этот ифр и откроем тайну!.. Верно, Алёша?

— Угу. Только сначала надо добраться до того берега и поесть.

И тут все вспомнили, что находятся на плоту.

Саша быстро спрятал бумажку с шифром в рюкзак к Ёжику и стал искать палку, которой отталкивался от дна. Но палки не было. Очевидно, она упала в воду и течение унесло её. Оставалась одна палка у Алёши.

Саша огляделся. Плот отнесло метров на двести вниз по реке. Впереди из воды торчал большой камень. Плот плыл прямо на него.

— Тормози! — закричал Саша.

Алёша опустил палку в воду, и они вместе изо всей силы воткнули её в дно. Скорость плота немного уменьшилась, но он не остановился. Ещё мгновение — и он ударился о камень. Сзади раздался крик:

— Спасите!

Саша и Алёша оглянулись. Ёжика на плоту не было. Они бросились на другой конец плота, но в эту минуту из воды

показался Ёжик. Воды ему было по колено. У него был такой растерянный вид, он так смешно тряс головой, чтобы вылить воду из ушей, что Саша и Алёша рассмеялись.

— Да, вам смено, — обиженно сказал Ёжик. — А знаете, как там холодно и мокро!..

И Ёжик с большим трудом вскарабкался на плот.

— Брр... — бормотал он, — как хо-хо-холодно!.. У-у-ужасно хо-холодно!.. Брр... Бр... противная ре-ре-речонка!..

— Хватит дрожать! — строго сказал Саша. — Надо вытаскивать плот. Лезем в воду!

— Оп-пять?.. — жалобно спросил Ёжик.

— Опять! А то просидим на речке весь день и не спасём букву.

— Ну ла-ла-ладно... Поп-полезем, — вздохнул Ёжик.

И все трое спустились в воду. Они ухватились за плот и стали толкать его к берегу. Сначала плот не поддавался, потом медленно двинулся и поплыл. У самого берега стало глубже, и Ёжик от страха лёг на плот животом.

— Сейчас же встань! — закричал Саша. — Плот переворачивается!

Ёжик продолжал лежать без движения.

— Если перевернётся, — спокойно сказал Алёша, — утонет велосипед.

В одну секунду Ёжик сполз с плота. Оказывается, вода была ему всего по пояс.

Через несколько минут плот благополучно причалил к берегу.

Саша, Алёша и Ёжик сняли с него велосипед и все свои вещи, уселись на берегу и стали сушиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

о том, как разгадываются таинственные надписи

Пока солнечные лучи и свежий ветерок сушили одежду, друзья решили разгадать шифр. Листок бумаги с надписью намок, но цифры были видны. Саша разгладил листочек и положил на землю. Все принялись разглядывать таинственные цифры. Они думали, думали, думали — и ничего не могли придумать.

— А может быть, каждая цифра — это буква? — неожиданно предположил Алёша.

— Как так? — переспросил Ёжик. — Цифра — буква?

— Очень просто! — подхватил Саша. — По порядку в алфавите! Верно, Алёша?

— Угу, — сказал Алёша.

— А каждая строчка — слово? — спросил Ёжик.

— Правильно! — согласился Саша. — Буква А — номер один, буква Б — номер два, буква В — номер три...

И Саша написал на земле весь алфавит, а рядом с каждой буквой поставил цифру.

— Не такой уж трудный этот ифр, — сказал он.

— Проще простого! — подтвердил Ёжик.

В одну минуту цифры первой строчки были заменены буквами, и... все растерянно замолчали. Первая строчка выглядела так:

С П Е Щ

— Спещ, — ошеломлённо выговорил Ёжик. — Что это такое?

— Откуда я знаю, — неуверенно ответил Саша. — Сделаем вторую строчку — может, тогда поймём.

Вторая строчка получилась такой:

И Т Е Н

— Спещ итен, — пробормотал Саша.

— Спещ итен, — повторил Ёжик. — Ну и ну!

Саша машинально продолжал подставлять буквы к цифрам. Вся надпись получилась очень странной:

С	П	Е	Щ
И	Т	Е	Н
А	П	О	М
О	Ъ	Э	?
В	П	Л	Е
Н	У	У	Б
У	К	В	О
Е	Д	О	В

Вопросительный Знак стоял на месте цифры 33, для которой в алфавите не хватило буквы.

— АПОМ какой-то, — сказал Ёжик. — И ещё НУУБ... Эй, Алёша, посмотри, что получилось!..

Но Алёша не отвечал. Пока Саша и Ёжик подставляли буквы к цифрам, он прилёг на тёплую землю и теперь сладко спал.

— Ну и соня! — возмутился Саша и по старой привычке толкнул Алёшу в бок. — А ну вставай!..

— А? — спросил Алёша, не открывая глаз. — Пора в колу?

— В какую колу?! Мы не можем отгадать ифр!

При слове «ифр» Алёша открыл глаза и сел. Он посмотрел вокруг, потом на Ёжика и на Сашу, потом на странные слова, написанные на земле, почесал затылок и сказал:

— Наверное, надо считать буквы с конца. Не А — первая, а Я.

Пришлось производить пересчёт. Первые строчки получились такими:

М	О	Ъ	Ё
Х	Л	Ъ	Р
Я	О	П	С

— Вот это да! — удивился невозмутимый Алёша.

Ёжик попробовал читать буквы сверху вниз.

— СИАОВНУЕ... — начал он.

— Ерунда какая-то! — перебил Саша. — И вообще так можно просидеть до завтра!.. Предлагаю идти вперёд, пока за нами нет погони. А над цифрами мы ещё подумаем.

Друзья привели в порядок велосипед и вскоре были готовы продолжать путешествие.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,
*в которой Саша, Алёша и Ёжик
спускаются в пещеру*

Они направились по берегу к тому самому месту, где продолжалась тропинка, оборванная речкой. Ёжик снова сел в седло, Алёша — на раму, а Саша — на багажник. И они как ни в чём не бывало покатали вперёд.

Ёжик был доволен. К нему вернулось хорошее настроение. Как хорошо всё-таки чувствовать себя на твёрдой земле, а не в этой противной речонке! От радости Ёжик даже стал напевать какую-то песенку. В эти минуты он забыл о неразгаданной надписи и о том, что где-то впереди находится пещера Кривпоча.

А тропинка между тем уходила всё дальше и дальше, и наши друзья заметили, что едут по краю большой горы и поднимаются всё выше и выше. И чем выше они поднимались, тем гуще становился лес, и наконец он стал таким густым, что ветви деревьев сплелись над тропинкой и наступила полная темнота.

Ёжик выключил мотор, и велосипед остановился. Военный совет продолжался одну минуту.

— Я предлагаю ехать! — сказал Саша. — Не может быть, чтобы лес был бесконечным. Верно, Алёа?

— Угу, — ответил Алёша. Он хотел есть, и ему было не до разговоров.

— Ладно, — сказал Ёжик, — только придётся включить фару.

Все снова сели на велосипед. Казалось, что они едут по очень длинному шалашу. Лишь пучок света от фары плясал на тропинке. Постепенно тропинка становилась всё уже и уже. Друзья сошли с велосипеда, и опять наступила полная тьма, потому что когда велосипед не движется, его фара не даёт света. И хотя запасливый Ёжик достал из рюкзака карманный фонарь, каждому стало немного не по себе.

— Дальше ехать нельзя, — шёпотом сказал Ёжик.

— Видим, что нельзя, — тоже шёпотом ответил Саша. — Надо оставить велосипед в лесу, а самим идти пеком.

— Оставить в лесу?! — возразил Ёжик. — А его никто... не возьмёт?

— Кто его здесь возьмёт?

Но Ёжик никак не решался расстаться с велосипедом.

— Ну и сиди здесь с ним! — решительно сказал Саша и сделал шаг в темноту.

— Подождите, — жалобно проговорил Ёжик. — Я согласен.

Друзья спрятали велосипед под густым деревом, прикрыли ветками и двинулись вперёд. Ёжик держал в руках велосипедный насос.

— Вместо оружия, — объяснил он, — всё-таки металлический.

— Тихо! — сказал Саша. — Не разговаривать! А если кто-нибудь заблудится, пусть кричит кукукой. Если два раза: ку-ку, это значит — я здесь. Если три раза: ку-ку-ку, значит — я иду к вам. Если четыре раза: ку-ку-ку-ку, значит — бегите ко мне на помощь! Понятно?

— Понятно, — сказал Ёжик.

Но не успели они сделать несколько шагов, как тропинка оборвалась. Луч фонарика осветил яму, в которую едва не свалился Ёжик.

По-видимому, яма была очень глубокой, потому что дна её не было видно. Ребята хотели обойти яму, но заметили ступеньки, ведущие в глубину.

— Пещера Кривпоча, — прошептал Ёжик.

— Она, — чуть слышно подтвердил Саша.

Саша взял у Ёжика фонарь и встал на первую ступеньку. Потом он оглянулся на Алёшу и Ёжика и... вернулся обратно.

— Ну что? — зашептал Ёжик, как будто Саша уже побывал в пещере. — Что там?

— Ничего, — зашептал Саша в ответ. — Ничего не видно. Надо спуститься глубже.

— Надо, — сказал Алёша.

— Надо, — как эхо, отозвался Ёжик.

Но никто не двинулся с места. Наконец Саша глубоко вздохнул и решительно начал спускаться по ступенькам, за ним — Ёжик и Алёша. Ведь где-то там, под землёй, была пропавшая буква.

Ступеньки были сделаны прямо в земле, некоторые из них осыпались, поэтому спускаться приходилось медленно. Кроме того, всем было немного страшно. Ёжик вслух считал ступеньки и на всякий случай говорил: «Ку-ку». Каждый раз, когда он ставил ногу на следующую ступеньку, ему казалось, что она обязательно обвалится. Зато когда ступенька оказывалась прочной, он громким шёпотом говорил:

— Двадцать два! Ку-ку!

Потом он становился на следующую ступеньку и опять говорил:

— Двадцать три! Ку-ку!

— Что ты раскукукался?! — зашептал Саша. — Идти невозможно!

Ёжик ничего не ответил, но считать ступеньки и кукукать стал про себя. Он насчитал уже сорок ступенек, а дна всё ещё не было видно.

Но вот Саша, который шёл впереди, остановился. Луч фонарика осветил дверь.

— Дверь! — громким шёпотом произнёс Саша.

— Дверь? — переспросил Ёжик дрожащим голосом. Он замер на месте и почему-то прибавил: — Ку-ку!

— Надо реить один вопрос, — сказал Саша. — Может быть, кто-нибудь из нас останется здесь на всякий случай, пока мы будем в пещере?

— Кто это «кто-нибудь»? — подозрительно спросил Ёжик. — Уж я-то не останусь. Оставайся сам, если тебе охота.

Так как Алёша ничего не сказал, Саша понял, что и у него нет желания оставаться наверху. Поэтому он ещё раз вздохнул и снова начал спускаться по ступенькам.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой рассказывается о том,
как Пара Граф принимает гостей*

Ни ручки, ни замка на двери не было.

Недолго думая, Саша толкнул дверь ногой, и она раскрылась с таким скрипом, как будто повернулись на своих петлях по крайней мере десять несмазанных дверей.

Саша навёл луч фонарика, и все увидели тёмный мрачный коридор со сводчатым потолком.

Ребята медленно двинулись по коридору. Он был длинный и ровный, как стрела.

— Какая странная пещера, — сказал Саша. — Дверь открыта, и никого нет.

— Ну почему же никого нет? — внезапно раздался голос за спиной ребят.

Они вздрогнули и оглянулись. Перед ними стояла какая-то сгорбленная фигура. Незнакомец держал в руке коптилку — тряпичный фитиль, вставленный в бутылочку с керосином. Фитиль горел слабым огоньком, а от его кончика тоненькой чёрной змейкой вилась копоть. Мерцающий свет коптилки освещал вытянутое, как у крота, лицо, маленькие глаза, покрытые копотью нос и подбородок.

— Почему же здесь никого нет? — повторил свой вопрос незнакомец. Голос у него был скрипучий. — Разве я — никто? И я здесь не один. А входная дверь всегда и для всех открыта, особенно для таких симпатичных гостей, как вы. Милости просим.

С этими словами незнакомец прикоснулся рукой к стене, и внезапно открылась ещё одна дверь. Саша мог бы дать честное слово, что ещё секунду назад никакой двери в этом месте не было.

Вслед за незнакомцем ребята вошли в большую полутёмную комнату. Пол и стены её были земляными, низкий потолок поддерживался деревянными подпорками. Посередине стоял огромный письменный стол. В нём было тридцать три ящика, и на каждом была написана буква алфавита. На столе лежали толстые конторские книги. Позади стола на земляной стене висели два объявления:

НЕ УМЕТЬ!
И
УМ ЗАТРУДНЯЕТ РАБОТУ!

— Прежде всего, погасите свой фонарь, — сказал незнакомец. — Здесь и без него достаточно света — целых две копилки. А теперь позвольте представиться. Мое имя Пара Граф. Не правда ли, великолепное имя? Я прямой потомок древнего Чернильного рода!.. А как зовут вас, мне известно. Однако садитесь.

И Пара Граф показал на стулья, стоявшие у стены. Ёжик сел на стул и тут же упал на пол. Оказывается, все стулья были на трёх ножках.

— Не надо удивляться, — проговорил Пара Граф. — Мы считаем, что стулу достаточно трёх ножек. Это даёт нам экономии дерева и сокращает время, которое тратится на изготовление каждого стула. Разумно, не правда ли? Итак, садитесь. Сели? Прекрасно. Как видите, четвертая ножка абсолютно не нужна.

Пара Граф тоже сел на стул у письменного стола и взял толстую книгу.

— Начнём, — он вытянул свой острый подбородок в сторону Алёши. — Как твоё имя?

— Вы же знаете как, — ответил Алёша. Конечно, так отвечать было не очень-то вежливо, но слишком уж неприятен был этот Пара Граф.

— Это не имеет значения, — ответил Пара Граф. — Я обязан спросить официально. Таков порядок. Вы говорите — я записываю. Вот этим замечательным инструментом.

И он показал длинную и толстую трубку, заострённую на одном конце.

— В неё входит ровно пятьсот граммов чернил! — гордо сказал Пара Граф. — Это чудо техники! Однако к делу. Итак, твоё имя?

Но Алёша насупился и молчал. Этот Пара Граф даже не спросил, хотят ли они есть.

— Сожалею о твоём упорстве, — проскрипел Пара Граф. — Придётся записать твоё имя без твоих слов. Тебя зовут Алёя.

Не очень-то красивое имя, однако, судя по твоему поведению, ты другого не заслужил.

И Пара Граф принялся царапать в книге. Он так низко склонился над ней, что казалось, будто не трубка царапает бумагу, а его быстрый нос. При этом Пара Граф высунул длинный зеленоватый язык и заложил его за левое ухо.

— Так, — проскрипел он, отложил книгу, открыл ящик стола, на котором стояла буква Ё, и достал кусочек серого картона. — Персональная карточка буквы, — прибавил он и повёл носом в сторону Ёжика, — для тебя, — и опять начал царапать своей трубкой. — Так... А теперь предъявите командировочные удостоверения.

— Что-что? — спросил Саша.

— Я сказал: командировочные удостоверения. В них должно быть указано, кто, для чего и на какой срок направил вас сюда. Таков порядок. Командировочное удостоверение должно иметь четыре печати и три подписи. К нему должны быть приложены: а) справка о рождении; б) справка о прививке от кори; в) две фотографии размерами 27 с половиной на 28 и три четверти миллиметра каждая; г)...

— Нет у нас никаких удостоверений! — мрачно сказал Алёша.

— Ах вот как! — удивился Пара Граф. — Это особый случай. Он должен быть зафиксирован в книге номер 28 дробь 2. Таков порядок.

Пара Граф открыл ещё одну книгу, что-то нацарапал в ней и заявил:

— При наличии отсутствия командировочных удостоверений вы обязаны устно ответить на вопрос: что привело вас сюда? Таков порядок.

Пока Пара Граф производил свои записи, Саша тоже решил не отвечать на вопросы, потому что всё было очень подозрительным. Необходимо было предупредить об этом Ёжика. Но незаметно дотянуться до Ёжика Саше не удалось. И поэтому, когда на последний вопрос Пара Графа Алёша и Саша не ответили, Ёжик не задумываясь выпалил:

— Мы искали пещеру Кривпоча!

— Пещеру Кривпоча?! — переспросил Пара Граф. — Это очень любопытно. А зачем вы искали пещеру Кривпоча?

Ёжик опять хотел что-то сказать, но Саша вдруг покачнулся на своём трёхном стуле и упал на пол. Падая, он зацепился за стул Ёжика, и тот тоже упал. И в ту же секунду Саша шепнул Ёжику:

— Молчи!

— Поразительно невоспитанные люди! — заскрипел Пара Граф. — Абсолютно не умеют себя вести! Поразительное отсутствие присутствия уважения!

И тут Саша не выдержал.

— А вы разве нас уважаете? — громко спросил он. — Вы даже не спросили, устали мы или нет! И потом, у вас здесь задохнуться можно — совсем не проветрено!

— Вред и бред! — закричал Пара Граф. — Я вас не уважаю? Я, который встретил вас так любезно? Я, который предложил вам сесть, хотя у вас нет командировочных удостоверений? Я, представитель древнего Чернильного рода? Не много ли вы хотите? Может быть, вы ещё скажете, что голодны, а?

— Скажем, — подтвердил Алёша.

— Хи-хи-хи... — И Пара Граф злорадно захихикал. — Если так, то извините, ведь вы не соизволили предупредить нас о своём прибытии. Поэтому вам придётся побыть без еды. Таков порядок. — Он ещё раз захихикал,

обнажив множество мелких и острых зубов. — Впрочем, — прибавил Пара Граф, — я дам вам возможность отдохнуть... Хи-хи-хи... Подойдите сюда, пожалуйста.

И когда Алёша, Саша и Ёжик приблизились к столу, Пара Граф сделал какое-то движение, и в то же мгновение друзья почувствовали, что пол проваливается у них под ногами.

— Вы хотели отдохнуть? — скрипнул Пара Граф. — Пожалуйста... Хи-хи-хи...

Но Саша, Алёша и Ёжик не слышали этих слов. Они лежали в чёрную бездну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой рассказывается
о том, как Ах и Ох ели торт*

В то время, когда происходили эти события, в Буквограде, в знакомом нам Букваре, сидела Слива и горько плакала.

— Что я наделала! — говорила она сквозь слёзы. — Что я только наделала!.. Ведь если бы я не забыла про бензин, мы не опоздали бы во Дворец Усердия, а если бы мы не опоздали во Дворец Усердия, Ёжику не пришлось бы нас догонять, а если бы ему не пришлось нас догонять, нас не задержал бы Восклицательный Знак, а если бы...

— Что ты заладила: «а если бы, а если бы»! — перебил Сливу Твёрдый Знак. — От твоего рёва толку мало! Надо подумать, что делать.

— Я предлагаю, — сказал Мягкий Знак, — разделить на группы и пойти во все стороны от Буквограда по главным дорогам. И уж какая-нибудь группа обязательно найдёт их.

— А может быть, они пошли не по главным дорогам? — спросила Астра. — Что тогда?

На этот вопрос Мягкий Знак ответить не мог.

— Вот что, друзья, — сказал Почерк. — Давайте обсудим всё по порядку. Саши, Алёши и Ёжика в городе нет. Об этом нам сообщил Восклицательный Знак. Куда же они могли пойти? Припомните, уважаемые Слива и Знаки, не вели ли Саша, Алёша и Ёжик каких-нибудь разговоров?

Твёрдый Знак задумался и сказал:

— Нет. Не могу припомнить.

— К сожалению, я тоже не могу, — неуверенно сказал Мягкий Знак.

— Стойте, стойте, — вдруг проговорила Слива и наморщила лоб. — Мне кажется, я припоминаю...

— Что?! — хором воскликнули буквы.

— Спокойнее, — сказал Почерк.

— Вот-вот, — быстро заговорила Слива, — точно так же говорил Ёжик. Он всё время повторял: «Только спокойнее, только спокойнее!» Дело в том, уважаемый Почерк, что когда Твёрдый Знак учил «Правила поведения на улице», Ёжик тоже взял книжку, но, по-моему, никаких правил он не учил, а разговаривал с мальчиками. Он несколько раз упоминал Аха и Оха. Потом Саша и Алёша пошли гулять, а когда убежал Ёжик — я не заметила... Ну вот... Ну и всё... — И Слива опять всхлипнула.

— Так, — сказал Почерк. — Очевидно, следует поговорить с Ахом и Охом.

— Вот ещё! — заявил Твёрдый Знак. — Эти бездельники не скажут ничего путного! Они только ахают и охают. И вообще они не пойдут на нашу улицу.

— А хотите, я приведу сюда Аха и Оха? — неожиданно предложил Мягкий Знак.

— Каким это образом? — недоверчиво поинтересовался Твёрдый Знак.

— Я им скажу, что сегодня у нас к чаю торт. Они сейчас же прибегут сюда! Позвольте, уважаемый Почерк?

— Что ж, — сказал Почерк, — попробуй. Возможно, от этого зависит судьба Алёши, Саши и Ёжика.

— В таком случае — ждите! — крикнул Мягкий Знак и убежал из Букваря.

Не успела Астра постелить на стол скатерть и поставить чашки, как открылась дверь и в комнату вбежали запыхавшиеся Ах и Ох. Следом за ними появился Мягкий Знак.

— Ах, — произнес Ах, — мы так запыхались, так запыхались!.. Ах, как мы спешили!..

— Ох! — подхватил Ох. — Мы мчались, как никогда!

— Ведь торт — это так вкусно! — сказал Ах.

— Это необыкновенно вкусно! — подтвердил Ох.

И Ах и Ох стали оглядываться в поисках торта.

— Между прочим, здравствуйте! — заметил Твёрдый Знак.

— Ах, разве мы не поздоровались? — удивился Ах. — В таком случае — привет!

— Ох, конечно, привет! — добавил Ох. — Это само собой разумеется.

— Здравствуйте, — ответили буквы.

А Астра прибавила:

— Прошу к столу.

— Ах, как чудесно! — воскликнул Ах. — Конечно, к столу!

— Ох, да-да, к столу, и как можно скорее! — воскликнул Ох. — Когда ожидается торт, невозможно думать ни о чём другом!

— Видно, не очень-то сладко живётся на улице Разгильдяев, — не удержался Твёрдый Знак.

— Это он шутит, — поспешно сказал Мягкий Знак, стараясь сгладить резкость Твёрдого Знака. — Садитесь, пожалуйста.

В это время Астра принесла торт, и Ах и Ох моментально уселись за стол. Не ожидая приглашения, они положили себе на тарелки по огромному куску и немедленно принялись за еду. Все буквы с интересом наблюдали за ними. Ах и Ох глотали торт почти не разжёвывая. Через минуту их носы и щёки были покрыты кремом, но они ничего не замечали. Они только глотали и пыхтели от удовольствия.

Наевшись, Ах и Ох откинулись на спинки стульев и принялись глубоко дышать.

Мягкий Знак улыбнулся и спросил:

— Не правда ли, какие хорошие ребята ехали сегодня с нами в машине?

— Ребята? — спросил Ах.

— Какие ребята? — спросил Ох.

— Ах, ребята! — вспомнил Ах. — Да, да, да, очень хорошие ребята!

— Ох, ребята просто чудесные! — поддержал Аха Ох.

— Мы рады это слышать, — продолжал улыбаться Мягкий Знак. — А если бы вы подсказали нам, куда направились эти чудесные ребята, мы были бы рады ещё больше.

— Они направились на юг, — ответил Ах.

— Да, да, именно на юг, — подтвердил Ох.
 Мягкий Знак сделал вид, что ничуть не удивлён.
 — Я так и знал, — спокойно сказал он.
 — Ах, в самом деле? — спросил Ах. — Значит, Кривпоч и вас посвятил в свою тайну?
 — Ох, разумеется, посвятил! — ответил за Мягкий Знак Ох. — Он рассказал вам, что специально заставил нас дожидаться Ёжика у бензоколонки и говорить о пещере Кривпоча, в которой находится буква Ш?
 — Буква Ш? — насторожился Твёрдый Знак.
 — Ох, разве я сказал «буква Ш»? — спохватился Ох.
 — Ах, никто ничего не говорил, — быстро сказал Ах.
 — И мы ничего не знаем о вашем Ёжике, — ещё быстрее сказал Ох.
 — Ничего, решительно ничего, — совсем быстро подтвердил Ах.
 — То есть как это «ничего»? — чуть не подскочил Твёрдый Знак. — Вы же сами только что сказали...
 — Ах, что вы к нам пристаёте? — сказал Ах плаксивым голосом.
 — Ох, как это нетактично, — всхлипнул Ох.
 — У меня даже пропал аппетит, — добавил Ах. — Я даже не могу есть торт.
 — И я тоже, — сказал Ох. — А ещё, называется, пригласили в гости! Лучше нам уйти, Ах!
 — Да, нам лучше уйти, Ох!
 И Ах и Ох, забыв о торте, выбежали из комнаты.
 — Напрасно ты вмешался в разговор, — сказал Мягкий Знак Твёрдому.
 — Он никогда не может сдержать своих чувств, — укоризненно заметила Астра.
 — А вы думаете, это легко — сдерживать свои чувства? — спросила Слива. — Особенно когда говоришь с такими лгунами, как Ах и Ох!
 — Сейчас поздно жалеть об этом, — сказал Почерк. — Сейчас нам нужно подумать о том, как спасти наших беглецов.
 — А где они? — спросил Твёрдый Знак.
 — Теперь я начинаю понимать, — медленно сказал Почерк. — Они в Стране буквоедов!

— Ой! — вскрикнула Слива.

— Спокойнее, — сказал Почерк. — У меня есть план...

Через час, когда буквы уже собрались в дорогу, раздался телефонный звонок. Восклицательный Знак сообщал, что Кривпоч и принцесса Лень исчезли из города.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
*в которой рассказывается
о неожиданной встрече*

Саша лежал на чём-то мягком. Было темно и тихо.

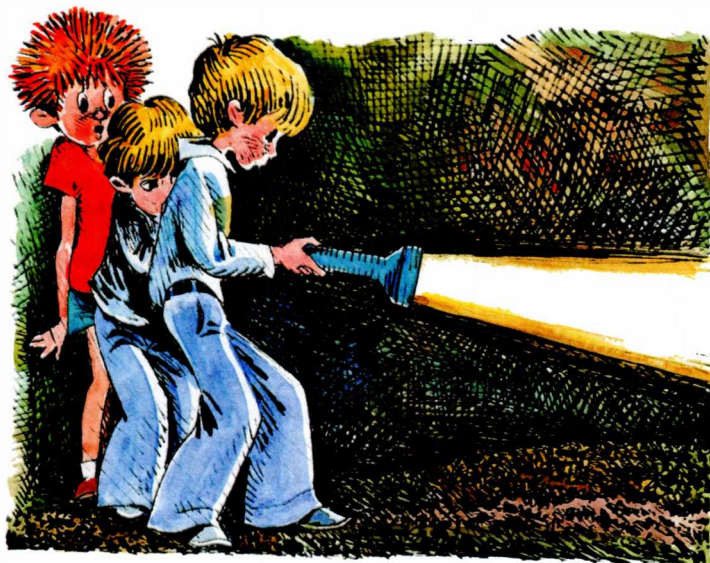
«Куда мы провалились? — подумал он. — Куда нас сбросил этот ужасный Пара Граф? Где Алёа, где Ёжик?»

Саша нащупал карманный фонарь и включил его. Он увидел, что лежит на толстом слое мха. Рядом лежали Алёша и Ёжик.

— Алёа! — позвал Саша. — Алёа, ты жив?

Алёша открыл глаза и зажмурился от света фонаря.

— Вроде жив, — ответил он. — А где Ёжик?

— Здесь, — и Саша принялся тормошить Ёжика.
— Подожди, — остановил его Алёша. — Может, он сломал какую-нибудь кость и теперь лежит без сознания?
— Ничего я не сломал, — вдруг сказал Ёжик и тоже открыл глаза. — Где мы?

Этого никто не знал.

Внезапно в темноте послышалось чьё-то сопенье. Ребята в страхе прижались друг к другу и замерли. Саша осторожно повёл фонарём. У самой стены подземелья лежала, свернувшись калачиком, худенькая фигура.

— Эй, кто там? — крикнул Саша.

От звука его голоса фигура вздрогнула и зашевелилась...

— Ой! — неожиданно закричал Ёжик и бросился к ней. — Это она! Буква Ш!..

— Ёжик! — прошептала буква и заплакала.

— Не плачь, — ласково сказал Ёжик, — не плачь, пожалуйста. Ой, какая ты худая!.. Ну ничего! Теперь ты не одна. Мы с тобой — Саа, Алёа и я! А мы думали, что ты совсем пропала. Ведь уже два дня, как мы тебя ищем...

— А я в плену...
— В плену?!
— Да. И вы тоже в плену. Разве вы не знаете, где вы?
— Не-ет, — неуверенно сказал Ёжик.
— Так знайте: вы в Стране буквоедов! Отсюда никто не возвращается.
— В Стране буквоедов, — повторил Ёжик.
— Каких ещё буквоедов! — отмахнулся Саша. — Да перестань ты хныкать! Вытри нос и расскажи по порядку, что с тобой случилось.
— Это всё Кривпоч, — сказала буква Ш. — Он обманул меня, обещал, что я здесь быстро поправлюсь. И я... Я ему поверила... и убежала из Буквограда... Я бы, наверное, умерла от жажды, если бы не сделала люк...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*о тайне загадочной надписи и о том,
что получается, если буква становится больной*

— Люк? — спросил Саша. — Какой люк?
— Поклянись, что никому не скажете, — сказала буква Ш.
— Клянёмся, — ответили Саша, Алёша и Ёжик.
— Тогда идите за мной. Ох!..
— Что с тобой?
— Я совсем больная. У меня дрожат ноги...
Буква Ш взяла у Саши фонарь и, с трудом передвигаясь, пошла в глубину пещеры. У противоположной стены она остановилась. Здесь пол пещеры был покрыт полусгнившими ветками деревьев. Буква Ш подняла несколько веток, и ребята увидели чёрное отверстие шириной в полметра. Из отверстия доносилось урчание воды.
— Вот, — сказала буква Ш. — Я копала его целый день.
— А как ты узнала, что здесь есть вода? — спросил Ёжик.
— Я услышала, как она плещется. И тогда взяла толстую палку и начала копать землю. И сделала дырку. Сначала она была маленькая, но я всё время увеличивала её, пока она не стала такой.
— Здорово! — сказал Саша.

— Через этот люк я даже послала письмо, — с гордостью продолжала буква Ш.

— Какое письмо? — насторожился Саша.

— Тайное. Если бы оно попало в руки буквоедов, они всё равно бы ничего в нём не поняли. Потому что, — буква Ш понизила голос, — потому что письмо было написано цифрами!

— Цифрами?! — закричал Ёжик. — На дереве?

— Тихо! — сказал Саша. — Вот твоё письмо.

И он протянул букве Ш листок бумаги, на котором были записаны цифры.

Поражённая буква Ш посмотрела на первую строчку — 19 17 6 26 — и воскликнула:

— Это оно! Моё письмо!.. Как оно к вам попало?

— Мы выловили его в реке, — ответил Ёжик.

— Я выжигала цифры увеличительным стеклом, пока в люк светило солнце. Но оно заглядывало сюда редко, и поэтому работа продвигалась очень медленно. Я даже подписываться не стала, чтобы не тратить время. А когда закончила, столкнула дерево в воду. Знаете, как было трудно? Теперь я всё понимаю: вы прочли письмо и явились ко мне на помощь!

— Не кричи, — сказал Саша и показал вверх.

— Ну и пусть! — крикнула буква Ш. — Теперь-то они уж ничего мне не сделают! Правда, Ёжик?

Но Ёжик ничего не ответил. Саша и Алёша тоже молчали, опустив головы.

Наконец Саша сказал:

— Мы не прочли твоё письмо. Не сумели.

— Как?! — поразилась буква Ш. — Вы не прочли письмо? Но ведь это так просто! — в её голосе послышались слёзы. — Эх, да что говорить!.. Если бы вы прочли письмо, то вернулись бы в Буквоград и взяли с собой на подмогу целый Алфавит!

— Не горюй, — сказал Алёша. — Ещё не всё потеряно. Дерево с твоим письмом осталось на плоту. А плот каждый заметит. Но и мы здесь не будем сидеть просто так.

— Правильно! — подхватил Саша. — Мы сами как разведчики в тылу врага! Мы ещё не такое придумаем!

— Только держись! — крикнул Ёжик.

— А пока Расскажи, что было в письме? — попросил Алёша.

— Это очень просто, — буква Ш шмыгнула носом. — Каждая цифра обозначает номер буквы в алфавитном порядке.

— Мы так и думали!

— Но у нас ничего не получилось, — прибавил Саша. — И потом, ты там написала ненужную цифру.

— Какую? Там ненужных цифр не было.

— Нет, была, — сказал Саша. — Тридцать третья — вот какая!

— Какая же она ненужная? — обиделась буква Ш. — Это буква Я!

— Вот и неправильно! Буква Я тридцать вторая!

— Нет, тридцать третья! Смотрите!

Она взяла своё письмо и под каждой цифрой написала букву. Только под одной цифрой она, как ни старалась, ничего написать не могла.

— Что, не получается? — ехидно спросил Саша. — Вот тебе и тридцать три!

— Да, не тридцать три, — растерянно сказала буква Ш. — Ой, что со мной? Не могу написать... Не могу написать сама себя! Ой, и выговорить не могу!.. Наверное, я начинаю неметь! — И она заплакала.

И в этот же миг Саша вздрогнул от страшной догадки.

— Ты извини нас, пожалуйста, — глухо сказал он. — Это мы с Алёей во всём виноваты...

— Вы? — всхлипнула поражённая буква.

— Ага, мы... Мы не хотели тебя писать, и вот что получилось...

— И поэтому мы не разгадали твоё письмо. Мы тебя не считали и неправильно подставляли буквы к цифрам.

— Так, значит, это из-за вас я попала в плен, — грустно сказала буква Ш, — какие вы нехоро... нехоро...

— Извини, пожалуйста, — сказал Саша.

— Мы больше не будем, — прибавил Алёша.

— Мы тебя спасём, — заключил Ёжик.

— Правда? — буква Ш слабо улыбнулась. — Тогда смотрите. Видите?

19	17	6	26
С	П	Е	Ш
10	20	6	15
И	Т	Е	Н
1	17	16	14
А	П	О	М
16	27	30	33
О	Щ	Ь	Я
3	17	13	6
В	П	Л	Е
15	21	21	2
Н	У	У	Б
21	12	3	16
У	К	В	О
6	5	16	3
Е	Д	О	В

— СПЕШИТЕ НА ПОМОЩЬ. Я В ПЛЕНУ У БУКВОЕДОВ.

Саша и Алёша молчали. Они думали о том, что одна буква, всего одна буква вышла из строя — и вот что получилось. Если бы они прочитали письмо там, на реке! Они стали бы действовать совсем по-другому и наверняка бы спасли букву Ш! А теперь...

— Эх, была бы у нас апка-невидимка! — мечтательно сказал Ёжик.

— Да, такая апка нам бы пригодилась. — Саша почесал затылок. — А что же нам теперь делать?

— По-моему, надо поесть и ложиться спать, — сказал Алёша. — А утром подумаем.

И ребята сразу почувствовали, как они устали. Саша закрыл люк ветками, и все вернулись на прежнее место.

Ёжик развязал рюкзак и достал свои запасы: четыре печенья и три баранки. Буква Ш увидела еду, и глаза её заблестели.

— Можно? — спросила она и взяла баранку.

— Мне что-то есть не хочется, — вдруг сказал Алёша. — Я лягу спать.

Саша удивлённо посмотрел на брата.

— Неужели?! Ты же сам говорил...

— Мало ли что я говорил. А теперь расхотелось.

— И мне тоже расхотелось, — проговорил Ёжик.

— Ну, тогда и мне, — сказал Саша. И, обращаясь к букве Ш, прибавил: — Давай, давай, питайся! А мы пока поспим. В случае чего разбуди.

...Саша и Алёша долго не могли уснуть. Они вспомнили слова буквы Ш о том, что отсюда не возвращаются, и им по-настоящему стало страшно. Если бы они прочитали письмо, всё было бы иначе! Всего одна буква, одна-единственная буква!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

о том, что такое Пара Граф

Если бы кто-нибудь заглянул на следующее утро в пещеру, он увидел бы несколько необычную картину: три пленника — Ёжик, Алёша и Саша — делали зарядку.

Дома у мамы и папы Саша и Алёша относились к утренней зарядке без особого интереса. Правда, каждый раз, когда папа заводил о ней речь, Саша и Алёша давали торжественное обещание, что с первого числа (марта, апреля, мая, июня и так далее) обязательно начнут её делать. Последний раз они дали такое обещание в августе.

— Первого сентября мы пойдём в школу, — сказали Саша с Алёшей. — И обязательно-обязательно начнем делать утреннюю гимнастику! Мы будем делать её по радио. Теперь уже точно!

Каждое утро ровно в 7 часов 20 минут из приёмника раздавался голос: «Внимание! Начинаем урок утренней гимнастики!» — и каждое утро в эту самую минуту Саша и Алёша поворачивались на другой бок и ещё глубже забирались под одеяла. Можно было подумать, что по радио говорили: «Внимание! Повернитесь на другой бок! Натяните на голову одеяло! Продолжайте спать!»

И поэтому, честно говоря, будь мальчики одни, им бы в голову не пришло заниматься физкультурой в пещере. Но

зато Ёжик привык делать зарядку ежедневно. И вот под его руководством Саша и Алёша прыгали, приседали, сгибались и разгибались...

Неожиданно сверху раздался скрипучий голос:

— Доброе утро, дорогие гости! Как изволили отдыхать?

Ребята замерли. В неровном свете коптилки виднелась голова Пара Графа. Его вытянутые, как у крота, нос и подбородок казались ещё длиннее, чем накануне.

— Издевается! — прошептал Саша.

— Милости просим подняться к нам, — продолжал Пара Граф.

И перед ребятами повис конец верёвочной лестницы.

— Не надо, — зашептал Ёжик. — От этого Пара Графа всего можно ждать!

— А что нам его бояться? — ответил Саша. — Зато мы произведём разведку.

— Правильно, — поддержал брата Алёша. — Может, нам дадут поесть?

— Как же, жди, — ответил Саша и ухватился за конец лестницы.

— Я не могу подняться, — простонала буква Ш.

— Оставайся здесь, — сказал Саша. — Мы скоро вернёмся.

— Не бросайте меня, — заплакала буква Ш, — я боюсь...

— Не бросим, — сказал Саша. — Честное слово, не бросим! — Он сделал знак Алёше и Ёжику: — Полезли!

— Милости просим, — повторил Пара Граф, когда пленники поднялись по лестнице. — Милости просим. Ну-с, как вам спалось? Вид у вас не блестящий. Впрочем, сами виноваты. Я не злодей. Только завистники считают буквоедов злодеями, а меня отжившим Пара Графом. Но разве я хотел кого-нибудь из вас съесть? Скажи, Ёжик, я тебя ел?

— Н-нет, — неуверенно ответил Ёжик.

— Вот видите! Я хочу сделать из тебя благовоспитанную букву, даже заглавную. Мне так нужны буквы! Но ты намерен отказаться от своего счастья. Почему? Не понимаю.

— Почему? — машинально спросил Ёжик.

— Ага! Тебе тоже непонятно. А ведь стать благовоспитанной буквой весьма несложно. Для этого нужно знать свое дело, и ничего более. Н-и-ч-е-г-о! Всё остальное — вред

и бред! Буква есть буква, и ничего другого от неё не требуется. Таков порядок.

— А если я люблю петь? — спросил Ёжик.

— «Любовь» — это слово. В нём имеются следующие буквы: Л, Ю, Б, О, В и Мягкий Знак. И всё. Я ничего другого в этом слове не нахожу.

— Неправда! — сказал Саша. — Любовь... это... это...

— Это значит — любовь! — уточнил Алёша.

— Я, например, люблю кататься на велосипеде и играть в хоккей с айбой! — сказал Ёжик.

— А я люблю собирать марки, и ещё ловить рыбу, и ещё...

— «Неправда» — слово из восьми букв, «марки» — из пяти, «рыба» — из четырёх. И только. Это говорю вам я, Пара Граф!

— А что такое «Пара Граф»? — спросил Саша. — Всего восемь букв: П, А, Р, А, Г, Р, А, Ф. И только. В запятой и то семь букв! Что, съели!

И тут Пара Граф заморгал своими глазками, потом сердито закашлялся и заскрипел:

— Вред и бред! Вы грубые и невоспитанные личности! Идёмте со мной, я вам покажу образцы поведения.

Он подошёл к стене, притронулся к ней, и открылась дверь в коридор.

Саша толкнул Алёшу в бок.

— Надо запомнить это место, — шепнул он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
в которой рассказывается
о дисциплинированных детях
Отсихе и Досихе

Очутившись в коридоре, Пара Граф немедленно закрыл нос и рот шерстяным платком.

— Как здесь свежо! — бормотал он. — Ах, как свежо! Этот воздух когда-нибудь меня погубит...

Но вот Пара Граф остановился, опять дотронулся до стены, и в ней открылась узкая дверь.

— Милости просим, — произнёс он.

В большом полутёмном зале два мальчика сосредоточенно прыгали, уставившись в потолок.

— Вот они, — сказал Пара Граф. — Это мои племянники. Их зовут Отсих и Досих. Смотрите и учитесь.

— А почему они прыгают только на левой ноге? — спросил Ёжик.

— Отсих и Досих — очень дисциплинированные дети. Сегодня они начали изучать прыжки. Пять дней они будут прыгать на левой ноге, потом пять дней — на правой, потом ещё пять дней — на двух ногах вместе.

— А почему они молчат?

— Разговоры во время прыжков отвлекают. Во время прыжков они должны думать только о своих ногах. Таков порядок.

И действительно, у Отсиха и Досиха были такие печальные лица, как будто они не прыгали, а ели манную кашу.

— А вообще-то они умеют смеяться? — опять спросил Ёжик.

— А как же! Если они смотрят кинокомедию, то обязательно смеются в течение всего сеанса.

— А если не хочется? — спросил Саша.

— Вред и бред! — строго сказал Пара Граф. — Раз написано, что это комедия, значит, это комедия. Поэтому следует смеяться. И никакие отговорки не помогут. Таков порядок. Но лично я принципиально против смеха. От смеха у меня начинает болеть голова, и мне приходится принимать три таблетки пирамидона. Посему мои племянники смотрят комедии раз в год, и то для общего развития.

В это время Отсих и Досих перестали прыгать, сели на трёхногие табуретки и стали считать вслух.

— Сейчас у них двухминутный перерыв, — пояснил Пара Граф. — Они досчитают до ста двадцати и вновь приступят к прыжкам. Впрочем, сегодня в виде исключения я продлю перерыв до десяти минут.

И Пара Граф подошёл к племянникам.

Но Отсих и Досих смотрели в потолок и продолжали считать.

— Девяносто два! — говорил Отсих.

— Девяносто три, — говорил Досих.

— Девяносто четыре, — говорил Отсих.

— Девяносто пять, — говорил Досих.

— Остановитесь, милые дети, — сказал Пара Граф. — К вам пришли гости.

Но Отсих и Досих продолжали считать, как будто и не слышали голоса своего дяди.

— Не очень-то они дисциплинированные, — хмыкнул Саша.

— Вред и бред! — покосился на него Пара Граф. — Отсих и Досих — самые дисциплинированные дети!

— Тогда почему же они не останавливаются?

— Потому что не имеют моего письменного указания о прекращении счёта. Таков порядок.

Он извлёк из кармана железную трубку с чернилами, лист бумаги и что-то на нём нацарапал. Потом он расстегнул воротник своей куртки и достал из-за пазухи медную коробку, которая висела у него на шее на цепочке. Ключом он открыл коробку, вынул из неё печать и приложил её к бумаге. Проделав всё это, Пара Граф спрятал печать в коробку, запер её на ключ, затем спрятал ключ и коробку за пазуху, застегнулся на все пуговицы и протянул бумагу Отсиху и Досиху, которые к этому времени опять прыгали на левой ноге. Прыгая, Отсих и Досих прочитали бумагу и наконец остановились.

— Вот видите, они прекратили прыжки, — с достоинством изрёк Пара Граф.

Отсих и Досих расписались на бумаге и вложили её в большую серую папку.

Отсих остался стоять, а Досих сел на трёхногую табуретку и начал считать.

— Зачем он считает? — спросил Саша у Отсиха. — Пускай идёт к нам.

— А как мы узнаем, когда кончится перерыв? — ответил Отсих.

— Видите, какие они дисциплинированные! — гордо прокрипел Пара Граф. — Ну, беседуйте, я не буду вас отвлекать.

— У тебя марки есть? — спросил Саша.

— Марки? — удивился Отсих. — А что это?

— Видали! — засмеялся Саша. — Он не знает, что такое марки!

— Брось ты свои марки! — сказал Алёша. — Давайте сыграем в футбол. Будем бить по воротам!

— В какой футбол? — ещё больше удивился Отсих. — Мы этого не проходили...

Тут уж засмеялись все.

— Почему вы смеётесь? — недоуменно спросил Отсих.

— Отсихочек и Досихочек знают только то, что им задают, — вмешался Пара Граф. — Марок и футбола в программе нет. А раз их нет, значит, они — вред и бред! Они отвлекают от учёбы. Вот так случилось с вами, Саа и Алёа!

— Неправда! — сказал Саша. — Просто мы сами...

— Ах, просто вы сами? — насмешливо перебил Пара Граф. — Может быть, вы сами останетесь на второй год? А?

Саша хотел сказать, что на второй год они никогда не останутся, но тут Отсих подбежал к Досиху и стал считать вместо него, а Досих подошёл к ребятам.

— А какие бывают марки? — робко спросил он.

— Разных стран, — сказал Саша.

— Разных стран, — мечтательно повторил Досих.

— Нам пора, — неожиданно заявил Пара Граф. — Через полчаса у детей начнётся урок крючкотворства. Я весьма рад, что вы с пользой провели время.

И он направился к выходу.

В это время к Пара Графу приблизился Досих. В руке он держал конверт.

— Позвольте вручить заявление, — сказал он, извлекая из конверта лист бумаги, — о выдаче к обеду в течение следующего месяца клюквенного киселя.

Пара Граф внимательно просмотрел заявление и даже понюхал.

— Подписи, печати... — забормотал он. — Подписи веряющие... печати удостоверяющие... так... всё в порядке... Заявление будет рассмотрено, и вы своевременно получите ответ. Примерно через две недели. Но думаю, что ответ будет отрицательным.

— Отрицательным, — как эхо, повторил Досих.

— Отрицательным? — спросил Отсих и перестал считать. — Но почему?

— Вопросы?! — прошипел Пара Граф, и его глазки злобно блеснули. — Впрочем, объясню. Во-первых, Досих, считая вслух, слуал посторонние разговоры. Иначе он не спросил бы о марках. Во-вторых, Отсих прекратил считать и тем самым потерял представление о времени. Понятно? А теперь продолжайте заниматься.

— Я тоже хочу марки, — неожиданно сказал Досих и побледнел от волнения.

— И я, — прошептал Отсих.

На мгновение Пара Граф онемел.

— Что?! Вы «хотите»?! Без моего указания?! Вот кого я воспитал! Стоило появиться двум второгодникам...

— Мы не второгодники! — воскликнул Саша.

— Молчать! Стоило появиться двум крайне невоспитанным субъектам, которые буквально не дают сказать слова благовоспитанным людям, как вы сбиваетесь с того благородного пути, на который я вас направил! Запомните: марки собирают бездельники! В футбол играют глупцы и лентяи! Молчать! Не возражать! Понятно?!

— Понятно, — в страхе сказал Отсих.

— А тебе понятно? — Пара Граф засверлил своими глазами Досиха.

Досих молчал.

— Понятно или непонятно?!

Досих втянул голову в плечи и молчал.

— Ах так! Ты перестал меня понимать! Меня, своего единственного дядю Пара Графа! Сейчас я помогу тебе!

В руках Пара Графа оказалась длинная деревянная линейка, и в то же мгновение он ударил ею Досиха по голове.

Досих охнул и закрыл голову руками.

— Вы не имеете права драться! — хмуро сказал Алёша.

— Я не намерен драться, мой милый, я намерен бить моего негодного племянника! Двадцать ударов будет подходящей порцией. Один был, осталось девятнадцать.

Пара Граф снова поднял линейку, но тут Саша подпрыгнул и выхватил линейку из его рук. Пара Граф так и застыл с поднятой рукой.

— Ты!.. Ты!.. Меня!.. Пара Графа!!! Меня! Ты!.. Вон отсюда!.. А с вами, дорогие племянники, я побеседую позже! Сейчас же извольте продолжать прыжки!..

Отсих и Досих снова начали прыгать на левой ноге, не отрывая глаз от двери, которая закрылась за Пара Графом, Сашей и Алёшей. Потом Досих стал прыгать всё медленней и медленней и наконец остановился.

— Почему ты остановился? — спросил Отсих, пыхтя от напряжения.

— Потому что не хочу, — заявил Досих.

— Как это «не хочу»? — поразился Отсих.

— Очень просто — не хочу, и всё! Да перестань ты прыгать!

— Но ещё не наступил перерыв, — возразил Отсих.

— Сейчас я тебе его устрою, — пообещал Досих и подставил Отсиху ножку.

— Ой! — вскрикнул Отсих и упал. — Я сообщу дяде Пара Графу о твоём поведении... Сообщу...

— Сообщай, — бесстрашно сказал Досих. — Я всё равно буду собирать марки и играть в этот... в футбол!

— Марки и футбол — вред и бред, — захныкал Отсих.

— Это ты — вред и бред. Только и способен, что хныкать и кланяться. Кланяться и хныкать.

— Ну и ладно, — сказал Отсих, — сам-то ещё в футбол играть не научился.

— Научусь! Я буду изо всех сил бить по воротам, и они откроются.

— А чем надо бить? — неуверенно спросил Отсих.
— Наверное, какой-нибудь палкой или молотком. Саа и Алёа нам покажут.
— Саа и Алёа? Так ведь они у нас в плену.
— А почему? — спросил Досих.
— Не знаю, — признался Отсих.
— Они хотели спасти одну букву и сами попали в плен.
Но мы им поможем.
— Кто — мы?
— Ты и я.
— Ты ничего не говорил, я ничего не знаю, — сказал Отсих. — И, пожалуйста, не отвлекай и меня от прыжков.
Отсих поджал правую ногу и приготовился прыгать на левой. Но тут Досих сказал:
— Между прочим, сидеть на стуле с тремя ножками неудобно.
С этими словами Досих достал спрятанную четвёртую ножку, прикрепил её к стулу и сел.
— Вот так куда удобнее! — проговорил он.
— Что? — прошептал Отсих и в изумлении опустился на пол.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.
*в которой рассказывается
об одном условии Пара Графа*

Когда Саша и Алёша вернулись в комнату Пара Графа, они заметили, что там кто-то есть.

— Привет, приятели! — раздался знакомый голос. — Узнаёте?

Это был Кривпоч. Он сидел на полу, а рядом с ним на носилках лежала принцесса Лень.

От удивления никто из пленников не мог произнести ни слова.

— Как счастливы эти бедные дети, — томным голосом сказала принцесса. — От радости они не находят слов.

— Ещё бы! — заявил Кривпоч. — Всегда приятно встретить старого друга!

— Это вы-то друг? — спросил Ёжик дрожащим голосом.

— А, Ёжик! — ничуть не смущаясь, воскликнул Кривпоч. — И ты здесь? Как ты меня огорчил! Ты мог стать заглавной буквой и не пожелал! И твоя приятельница, которая там, внизу, тоже не желает. Ай-ай-ай!..

— Здесь такой воздух, — продолжал Кривпоч, — что стоит вдохнуть его несколько раз, и... Но вы неисправимы! Вы отравлены воздухом улицы Разума!

— Ужасный воздух! — сказал Пара Граф. — Он чувствуется даже здесь. Даже здесь становится трудно дышать!

— Да, да, бедный Ёжик, — произнесла принцесса, — ты отравлен! И вы тоже отравлены!.. Это ужасно!.. Ах, как я устала, как устала! — И она в изнеможении откинулась на подушку.

— Впрочем, я благороден! — сказал Кривпоч. — И поэтому я обратился к моему другу Пара Графу с просьбой, чтобы вас отпустили домой.

— Да, да, подтверждаю, что такая просьба была мною получена. И я был готов вас отпустить. Но теперь я категорически возражаю!

— Но почему, мой друг? — удивился Кривпоч.

— Почему? — переспросил Пара Граф. Он наклонился к Кривпочу и, поблёскивая маленькими злыми глазками, что-то зашептал ему на ухо.

— Да, — сказал Кривпоч, — набрасываться на взрослых — это ужасно.

— А бить маленьких? — спросил Саша.

— Также не следует, — примирительно сказал Кривпоч. — Я думаю, что вам надо помириться. Тем более что скоро вы вернётесь домой. Не так ли, друг мой Пара Граф?

— Гм... Что ж... Пожалуй. Но при одном маленьком условии.

— Каком условии? — быстро спросил Ёжик.

— Условие очень простое. За то короткое время, что вы находитесь здесь, я, несмотря ни на что, привязался к вам. Очень привязался. А сегодня я убедился, что и мои дорогие дети Отсих и Досих тоже полюбили вас всем сердцем. Поэтому обещайте мне, что придёте сюда ещё раз и приведёте с собой всех своих друзей из Буквограда. Мы устроим прощальный пир. А чтобы мне не было грустно без вас

и чтобы вы не забыли меня, известная вам буква побудет здесь. Разумеется, недолго, только до того момента, пока не придут все остальные. Таков порядок.

— Вы и так не имеете права нас здесь держать! — крикнул Саша. — Нет такого порядка.

— Да вас никто и не держит, — сказал Кривпоч. — К вам просто обращаются с просьбой. Если хотите, я дам вам своё обещание.

— Нет у вас обещания, — сказал Ёжик, — оно в больнице.

— Ничего, найду другое.

— Хи-хи-хи, — заскрипел Пара Граф. — Какая милая утка! Как вы считаете, высокочтимая принцесса?

В ответ раздался храп. Утомлённая разговором, принцесса Лень уснула.

— Мы подумаем, — сказал Ёжик, которому очень уж хотелось снова оказаться в Буквограде.

— Нечего нам думать! — оборвал Ёжика Саша. — Вы хотите оставить заложника и заманить все буквы в плен!

— Вред и бред! — сказал Пара Граф. — В какой плен? В конце концов, это даже интересно — провести ночь в подземелье. Будет что рассказать своим кольным приятелям. Впрочем, если ты намерен сидеть ещё — сиди на здоровье! Надеюсь, что твои товарищи окажутся умнее тебя и уже сегодня будут обедать в Буквограде.

— Не окажутся! — ответил Алёша, глотая слюну.

— Милые ребята, — ласково заговорил Кривпоч, — я желаю вам добра. Разве плохо было бы сейчас заняться марками? Или сыграть в футбол?.. И всё это зависит только от вас! Кстати, Ёжик, где ты оставил свой велосипед?

Последний вопрос Кривпоч задал небрежным тоном, словно его совсем это не интересовало, но глаза его так заблестели, что стало ясно — вопрос задан неспроста.

Ёжик почувствовал, что надо быть осторожным, и сказал первое, что пришло ему в голову:

— А я не помню... Кажется, он утонул в реке.

Это было настолько неправдоподобно, что Саша и Алёша дружно рассмеялись.

— Ну ладно же! — сквозь зубы процедил Кривпоч. — Я вижу, вы сговорились!

— Боюсь, что вам придётся пожалеть о своём поведении, — прокрипел Пара Граф. — Впрочем, если вы одумаетесь, вы сможете исправить своё положение. Верёвочная лестница останется висеть. Даю на размышление ровно три дня. Через три дня лестница будет поднята, а вы — хихихи — забыты.

Пара Граф отвратительно захихикал, сделал ногой какое-то движение, и Саша, Алёша и Ёжик полетели в подземелье.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
*из которой становится ясно,
отчего выздоровела буква Ш*

— А может быть, согласиться? — неуверенно сказал Ёжик. — Ведь мы приведём сюда помощь.

— Пока приведём, буквоеды убьют её, — ответил Саша и показал на спящую букву Ш.

Но буква Ш не спала.

— Не бросайте меня, — заплакала она. — Без вас я умру.

— Не плачь, — сказал Саша. — Мы никуда не уйдём. С буквоедами надо бороться здесь!

— А что если всё время смеяться? — спросил Ёжик и всхлипнул. — Ведь Пара Граф сказал, что от смеха у него болит голова.

— Придумал! — воскликнул Саша. — Пара Граф не выносит свежего воздуха! Он сам говорил, что когда-нибудь свежий воздух погубит его.

— Верно! — подхватил Ёжик. — Недаром там задохнуться можно!

— Это потому что воздух ядовитый, — сказал Саша. — Кто им долго дыит, становится таким, как Отсих и Досих.

— Эх, — мечтательно проговорил Ёжик. — Вот если бы...

— Тсс! — Саша приложил палец к губам. — Мы увеличим люк, и в подземелье войдёт сразу много свежего воздуха! А отсюда он проникнет в комнату Пара Графа!

— Угу! — подтвердил Алёша. — И потом ещё нам надо написать письма. Одно не дойдёт — дойдёт другое!

— А я предлагаю, — заявил Ёжик, — написать протест

Пара Графу и всем буквоедам, потому что они не имеют никакого права держать нас в плену!

— Протест — это здорово! — согласился Саша. — Пусть тогда двое начнут писать, а один копает.

Все захотели копать, поэтому Саша сказал:

— Ладно, писать мы будем с Алёей.

— Давай, — без всякой охоты отозвался Алёша.

Так как Ёжик, начав расширять люк, загородил собой солнечный свет, выжигать буквы с помощью увеличительного стекла стало невозможно. Решили, что Саша вырежет письмо на дереве перочинным ножом, а Алёша напишет на бумаге протест Пара Графу.

Саша выбрал толстый сук, очистил его от веток и медленно кончиком ножа стал вырезать цифры:

3 19 6 14 3 19 6 14 3 19 6 14

что означало:

В С Е М В С Е М В С Е М

Саша даже вспотел от напряжения.

— Послуай, — сказал он Алёше. — Пока там будут разбирать цифры, пройдёт много времени. Может, сразу вырезать буквы, а? Всё равно Пара Граф письма не увидит — ведь он не выходит на свежий воздух.

— По-моему, можно.

Нелёгкая это работа — вырезать буквы на дереве! Вот когда вспомнил Саша палочки и кружочки, которые ещё совсем недавно он так не любил! Эх, дали бы ему сейчас письменный стол, тетрадку с линейками и хорошую ручку!.. Но в подземелье ничего этого не было. Были только дерево и ножик. И Саша продолжал терпеливо работать:

МЫ В ПЛЕНУ У БУКВОЕДОВ
ОНИ БОЯТСЯ СВЕЖЕГО ВОЗДУХА
НА ПОМОЩЬ СПЕ...

— Ой, что это? — застонала буква Ш. — Мне показалось, что до меня кто-то дотронулся!..

Саша хотел написать слово «спешите», но буква Ш никак не выходила. Она получалась такой кривой, что совсем не

— Стой! — вдруг закричал Ёжик не своим голосом.
— Ну что? — недовольно спросил Саша. — Что ты перебиваешь?
— Ты сказал: «слушайте»! — кричал Ёжик. — Ты сказал: «дальше», ты сказал: «перебиваешь»!.. А ведь в этих словах...
— В этих словах есть я! — крикнула буква Ш. — Как мне хорошо! Как хорошо! Неужели я выздоровела?.. Выздоровела! Ур-ра!
— Тише! — сказал Ёжик. — Нас могут услышать...
— Алёша! Слышишь, Алёша! Я слышу букву Ш! И я говорю букву Ш!
— И я слышу! И я говорю!
И они стали повторять:

*Тише, мыши,
Кот на крыше,
А котята
Ещё выше!
Тише, мыши,
Кот на крыше,
А котята
Ещё выше!*

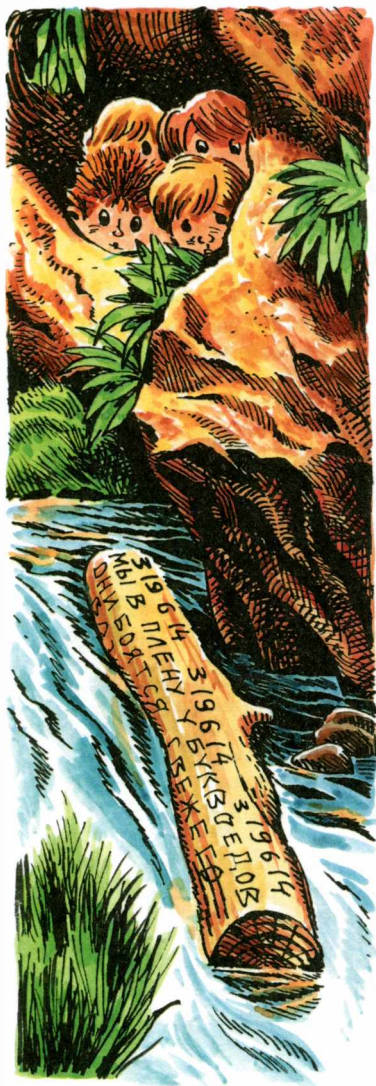
— Буква Ш, ты здорова! — торжественно объявил Ёжик. — Почерк так и сказал: как только Саша и Алёша услышат или скажут тебя, значит, ты здорова! А теперь, Саша, читай своё письмо! Ведь кончается первый день!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
*в которой решается вопрос,
надо ли выражать уважение, если его нет*

Все замолчали. Действительно, первый день из трёх, которые дал им Пара Граф, заканчивался. Свет, падавший из люка, становился всё слабее и слабее.

Когда Саша прочитал письмо, Ёжик сказал, что оно хорошее, а Алёша добавил, что его нужно поскорее отправить.

Сук с письмом был брошен в люк. Он завертелся в бурлящей воде и быстро поплыл. Через минуту его уже не было видно.

Все с грустью смотрели ему вслед. Может быть, очень скоро он поплывёт по тому самому месту, где они строили свой плот. Увидит ли его кто-нибудь из друзей, прочтает ли письмо?

Как хорошо было бы сейчас оказаться в Буквограде! Пусть даже на Скамье Несознательных! Неужели они навсегда останутся здесь, в этом мрачном подземелье?

— Теперь слушайте, что написал я, — сказал Алёша и начал читать:

ПРОТЕСТ ПАРА ГРАФУ!

МЫ ПРИШЛИ ЗА БОЛЬНОЙ БУКВОЙ Ш. А ВЫ ЗАМАНИЛИ НАС В СВОЮ ДУШНУЮ КОМНАТУ И ПОТОМ ПРОВАЛИЛИ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ. ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ДЕРЖАТЬ НАС В ПОДЗЕМЕЛЬЕ! ВЫ, БЕЗДУШНЫЙ ПАРА ГРАФ, СЕЙЧАС ЖЕ ОТПУСТИТЕ НАС ВСЕХ, А ТО ВАМ ДОСТАНЕТСЯ!

ПЛЕННИКИ: ЁЖИК, САША, АЛЁША, БУКВА Ш.

— Вот это протест! — восторженно сказал Саша. — Вот это я понимаю!

— Тут только одного не хватает, — заметил Ёжик. — Перед словом «пленники» надо написать: «С уважением».

— Ещё чего! — возмутился

Саша. — Какое у нас может быть уважение к этому Пара Графу? Никакого!

— Это я знаю, — не сдавался Ёжик. — Но так всегда пишут протесты.

— Ну и неправильно делают! Если нет к человеку уважения, то и писать об этом нечего! А то получается один обман!

— Вот именно, — сказал Алёша.

— Ладно, — согласился Ёжик. — Только всё равно так не полагается. А вообще протест хороший.

— Завтра передадим его Пара Графу, — сказал Алёша. — А сейчас давайте спать, а то скоро ночь.

И правда, в подземелье стало совсем темно. Все улеглись на мох, и наступила тишина. Лишь из люка доносилось журчание воды...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
*в которой рассказывается
о побеге и о неожиданной встрече*

В подземелье было прохладно. Свежий утренний воздух врывается через широкий люк, и вместе с ним заглядывали первые лучи утреннего солнца.

— Бррр... — задрожал Ёжик, вскочил на ноги и начал делать зарядку.

Сделав двадцать прыжков и десять приседаний, он встал посреди пещеры и запел песенку, которую часто слышал по радио:

*На зарядку, на зарядку,
На зарядку, на зарядку
Становись!..*

Ёжику пришлось три раза повторить слова песенки, пока проснулся Саша, а уж Алёшу будили они вдвоём. Наконец друзья встали в шеренгу. Вид у них был довольно вялый и кислый. Но после первых упражнений — бега на месте и «насоса» — настроение стало быстро улучшаться.

— Эх, сейчас бы позавтракать! — мечтательно произнёс Алёша после зарядки.

Ёжик достал из рюкзака два печенья и термос с остатками

компота. Пищу разделили на четыре части, и через полминуты от неё не осталось и следа.

— Да, — с грустью проговорил Алёша и добавил: — Пора вручать протест.

— Кто пойдёт?

— Я! — крикнули хором буква Ш, Саша и Ёжик.

— Всем нельзя, — уточнил Алёша. — Надо одному.

Саша посмотрел на ребят, вздохнул и сказал:

— Раз протест писал Алёша, пускай он его и вручает.

Ёжик тоже вздохнул:

— Пускай...

— Ладно, — сказал Алёша и без лишних слов стал подниматься вверх по верёвочной лестнице.

— В случае чего — крикни! — напутствовал его Саша.

— Угу, — ответил Алёша с лестницы.

Он поднимался всё выше и выше и скоро исчез в темноте. Саша включил фонарик, но луч стал таким слабым, что нельзя было ничего разглядеть.

И вдруг сверху раздался голос Алёши:

— Ребята! Скорее сюда!

— На него напали буквоеды! — крикнул Саша. — За мной!

И он как только мог быстро начал подниматься по лестнице. Буква Ш и Ёжик с велосипедным насосом, который он на всякий случай заткнул за пояс, последовали за ним.

Когда они оказались в комнате Пара Графа, то, к своему удивлению, увидели, что никого, кроме Алёши, в ней нет. Алёша сидел за столом Пара Графа и улыбался.

— Что ты делаешь! — заговорил Ёжик страшным голосом. — Сейчас может войти Пара Граф!

— Не войдёт, — спокойно ответил Алёша. — Чувствуешь, какой здесь воздух? Жаль, поесть нечего.

Воздух в комнате был свежий и чистый. От духоты и следа не осталось.

— Да уж, сюда-то Пара Граф не войдёт, — сказал Саша. — Но тогда...

Он подбежал к стене и начал внимательно её рассматривать.

— Нашёл! — воскликнул он. — Скорее сюда!

В одно мгновение все оказались у стены.

— Сейчас я открою дверь, — зашептал Саша. — Но вы-

ходить всем вместе опасно. Сначала посмотрим, нет ли там засады. Ёжик, дай-ка сюда твой насос, на всякий случай...

— Только спокойнее, — сказал Ёжик.

Саша взял насос в правую руку, а левой нажал на маленький выступ в стене. В ту же секунду бесшумно открылась дверь, и из комнаты в коридор подул лёгкий ветерок.

— Сквозняк, — прошептал Саша. — Мы не закрыли люк... Вот здорово!

Он осторожно выглянул в коридор. В комнате было тихо и темно.

— Когда мы шли сюда, — шёпотом вспоминал Саша, — дверь была справа... Значит, нам налево... За мной!

Пленники гуськом вышли в коридор.

Все крадучись двигались в полной темноте.

— Ой! — вдруг сказал Ёжик вполголоса. — Я забыл рюкзак и термос.

— Молчи! — цыкнул на него Алёша.

Но было уже поздно.

— Кто здесь? — раздался поблизости голос, и ребята увидели двух незнакомцев с коптилками в руках. К счастью, в коридоре гулял ветер, и, чтобы он не задул слабые огоньки коптилок, незнакомцы загоразивали их руками. Поэтому пленники оставались в темноте.

— Отсутствие ответа на вопрос является признаком плохого воспитания, — заявил один из незнакомцев, и пленники узнали Отсиха. — Я повторяю свой вопрос: кто здесь?

Молчание становилось опасным. И тут, неожиданно для всех, Алёша произнёс скрипучим голосом:

— Это я, Пара Граф...

Это получилось у него так похоже, что только опасность быть узнанными заставила друзей удержаться от смеха. Ёжик даже укусил себя за палец, чтобы не рассмеяться.

— Время наего дежурства истекло, и мы уходим, — сказал Отсих. — Сквозняк предрасполагает к насморку, гриппу и ангине.

— Идите, — проскрипел Алёша голосом Пара Графа.

Отсих и Досих удалились.

— А теперь — вперёд, — шепнул Саша.

— Подождите! — раздался позади них голос.

Беглецы замерли.

— Алёа и Саа, вы здесь? — продолжал голос. Из темноты к ребятам снова приближалась фигура с копилкой в руке. Ответа не последовало.

— Это я, Досих, — продолжала фигура. — Наружная дверь заперта.

— Всё, — прошептал Ёжик. — Мы погибли.

— Но я помогу вам, — сказал Досих.

— Но как же... — начал Отсих, который тоже подошёл к ребятам.

— Молчи, — оборвал его Досих. — Слушайте, Саа и Алёа. Слева у двери есть тайная кнопка, такая же, как в дядиной комнате. Нажмите её, и дверь откроется. Вы меня слыите?

— Слышим, — сказал Алёша. — Спасибо, Досих.

— Пожалуйста, — с грустью ответил Досих.

— Слушай, Досих, — Саша выступил из темноты, — идёмте с нами. Уходите от этого Пара Графа. Идёмте в Буквоград! Знаете, как там хорошо! Ведь правда, Ёжик?

— Правда! — сказал Ёжик. — Идёмте!

— Я никуда не пойду, — заявил Отсих. — И вообще я вас не видел и вы меня тоже не видели.

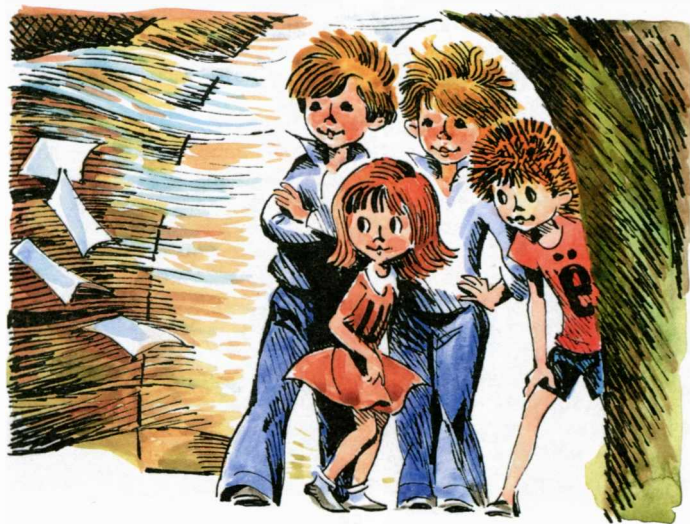
— Идите, — сказал Досих. — Может быть, когда-нибудь и мы...
— Эх! — махнул рукой Саша. — Чудаки! Ну ладно, спасибо за помощь! Пошли!
— До свидания, — сказал Ёжик.
Но ему никто не ответил. Коридор был пуст.
— За мной! — крикнул Саша.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,
*в которой рассказывается о погоне
и о том, что Почерк
тоже умеет улыбаться*

До двери оставалось совсем немного, когда в дальнем конце коридора раздался крик:

— Стойте! Немедленно остановитесь!
— Пара Граф! — в ужасе закричала буква Ш.
— Быстрее! — крикнул Саша.

Он подбежал к двери и стал осматривать слева от неё стену. Где кнопка? Где она?

Свистящее дыхание Пара Графа раздавалось всё ближе и ближе... Вот он уже совсем рядом, уже протягивает свою длинную руку, чтобы схватить букву Ш... И в эту самую секунду Саша нащупал еле заметный выступ в стене и с силой нажал на него. Дверь распахнулась, и ветер, сильный ветер ворвался в подземелье.

Пара Граф подпрыгнул, ударился головой о потолок, упал на пол, свернулся в клубок и покатился по коридору, вопя не своим голосом:

— Караул! Отравили!

— Ура! — закричали пленники и побежали вверх по лестнице.

Едва они выбрались на поверхность, как услышали нарастающий гул вертолёт.

Друзья посмотрели вверх. Из-за густой листвы ничего не было видно. Только несколько солнечных лучиков пробились сквозь неё и плясали на тропинке.

— Эх, костёр бы сейчас! — сказал Саша.

И тогда Ёжик с криком «Велосипед!» бросился в лес. Через минуту он появился с велосипедом, достал из кармана носовой платок и смочил его бензином.

— Скорее увеличительное стекло! — крикнул Ёжик.

Он схватил стекло, поставил его под солнечный луч, и яркая светлая точка упала на платок. Платок вспыхнул бледным пламенем.

— Хворосту! Скорее хворосту!

На тропинке запылал костёр. Друзья забросали огонь старыми листьями и хвоей, и повалил такой густой белый дым, что над лесом поднялось целое облако.

Ёжик отбежал от костра и начал взбираться на высокую ель. Он добрался до вершины и закричал на весь лес:

— Вертолёт-ёт! Вертолёт! Он летит сюда! Ура!!!

— Уррра! — подхватили Саша, Алёша и буква Ш.

Ёжик ухитрился снять с себя рубашку и, размахивая ею, стал кричать что было силы:

— Сюда!!! Сюда-а-а!!! Мы здесь!..

Шум мотора становился всё сильнее. Ёжик быстро спустился с дерева и, весь исцарапанный, подбежал к друзьям.

— Они над нами! Они меня заметили!

Все не отрываясь смотрели вверх. И вот ветви деревьев дрогнули, и в образовавшемся отверстии показался конец верёвочной лестницы.

— Уррра! — закричали друзья и затанцевали вокруг костра.

А в это время по лестнице спускалась знакомая фигура в фиолетовом костюме. Это был Почерк.

Едва он ступил на землю, как ребята повисли у него на шее и на плечах.

— Тише! Тише! — сказал Почерк. — Вы меня задушите! Ну, здравствуйте! Здравствуй, маленькая Ш! Здравствуй, мой дорогой Ёжик! Здравствуйте, мои храбрые Саша и Алёша!

Мальчики никогда бы не подумали, что строгий Почерк может улыбаться такой доброй улыбкой. Им захотелось немедленно рассказать ему о своих приключениях. Почерк как будто почувствовал это.

— Все рассказы потом, — сказал он. — А сейчас — в вертолёт! Сможете подняться?

— Конечно, сможем! — воскликнул Саша. — И не по такой лестнице карабкались!

— А как же велосипед? — вдруг жалобно спросил Ёжик.

— Не беспокойся, — ответил Почерк.

Он затоптал костёр, привязал к концу лестницы велосипед и тоже поднялся в вертолёт.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой рассказывается о том,
как действует на буквоедов воздух улицы Разума*

...Саша, Алёша, буква Ш и Ёжик рассказывали о своих приключениях. Слушая их, Твёрдый Знак смотрел в окно и хмурился, а Слива так и подпрыгивала в кресле от любопытства. Только Мягкий Знак, как всегда, застенчиво улыбался.

Когда Саша дошёл до встречи с Кривпочем и принцессой Лениью, Твёрдый Знак сказал Почерку:

— Так вот куда они сбежали!

— Сбежали? — удивился Саша.

— Само собой! — мрачно сказал Твёрдый Знак. — Ещё как сбежали.

И тут ребята услышали обо всём, что произошло в Буквограде.

Узнав, как обманули его Ах и Ох, Ёжик застыл с открытым ртом и не мог вымолвить ни слова.

Потом рассказывала буква Ш, а под конец Алёша красочно описал, как Пара Граф отравился свежим воздухом. Все засмеялись, даже Твёрдый Знак. А Почерк сказал:

— Всё это очень интересно и лишний раз доказывает, что смелость, находчивость и смекалка — очень нужные качества. А то, что вы отказались предать своих товарищей, достойно самой высокой похвалы! Но вы допустили серьёзную ошибку! Вы ушли, никому ничего не сказав. Кроме того, ни в одном месте своего пути вы не оставили условного знака, по которому вас можно было бы найти. Правда, в ваших письмах было сказано...

— Вы их нашли? — перебил Саша, но тут же спохватился и тихо добавил: — Извините...

— Да, мы нашли их, — ответил Почерк. — Первое письмо было зашифровано. Интересно, кто его писал? Ты, буква Ш? Молодец! А кто писал второе?

— Я, — ответил Саша и покраснел.

— Тоже хорошее письмо. И главное, в нём было сказано, что буквоеды боятся свежего воздуха...

— Мы ещё послали протест Пара Графу, — гордо сказал Саша. — Его писал Алёша. Жаль, что Пара Граф его не видел.

— Может, ещё увидит, — сказал Алёша. — Я оставил протест у него на столе.

— Трудно было писать? — спросил Почерк Сашу и Алёшу. — Знаю, что трудно. Ведь вы ещё первоклассники. Зато вы спасли её. — И он нежно погладил букву Ш. — И не просто спасли, а вылечили.

— Мы её не лечили, — сказал Саша. — Буква Ш выздоровела просто так...

— Нет, милый Саша, — сказал Почерк. — Просто так ничего не бывает. Буква Ш выздоровела оттого, что вы начали хорошо к ней относиться. А хорошее отношение бывает лучше любых лекарств.

— Правда, — смущённо сказала буква Ш.

— А теперь смотрите, — Почерк показал в угол кабины. Там стояли высокие металлические баллоны. От них тянулся длинный тонкий шланг.

— Это воздух, — объяснил Почерк. — Тот самый воздух, которым мы дышим и без которого не можем жить. Но для буквоедов это яд. Потому что это воздух улицы Разума! Это и есть наше оружие.

Вертолёт медленно летел над горой, покрытой густым лесом. На вершине горы леса не было. Там, окружённое большими плоскими камнями, лежало озеро. Вода в нем была такого чёрного цвета и так блестела под лучами солнца, что с высоты казалось, будто поверхность озера начистили чёрным гуталином и протёрли бархоткой. Даже береговые камни блестели, как носки сапог.

— Смотрите внимательно, — предупредил Почерк, — нам нужно найти ваш люк.

Вертолёт начал снижаться. Теперь он летел над лесом, едва не задевая верхушки деревьев. Лес был мрачным и молчаливым. Ни одна птица не взлетала, ни одна белка не прыгала с ветки на ветку. Постепенно лес начал редеть, и вскоре друзья увидели глубокое ущелье, на дне которого бурлил поток.

— Смотрите! — крикнул Саша. — Наш люк!

На одном из склонов ущелья чернело отверстие.

По команде Почерка вертолёт повис в нескольких метрах над люком.

— Со мной пойдут Знаки, Саша и Алёша, — сказал Почерк.

— А как же я? — спросил Ёжик.

— Ты будешь наблюдать за склоном горы. — И Почерк дал Ёжику большой бинокль.

Твёрдый Знак сбросил верёвочную лестницу, и спуск начался.

Почерк, Мягкий Знак, Саша и Алёша прыгнули с лестницы в люк и очутились в подземелье. Последним спустился Твёрдый Знак. В руке он держал конец резинового шланга. Почерк включил сильный фонарь, и ребята вновь увидели подземелье, в котором они провели столько времени. Лестницы, по которой они поднимались в комнату Пара Графа, не было.

— Я нашёл рюкзак и термос Ёжика, — сказал Твёрдый Знак.

— Хорошо, — ответил Почерк, — бери их с собой.

— Смотрите, кто это? — крикнул Мягкий Знак и отступил назад.

Почерк повёл фонарём, и все увидели на полу подземелья две съежившиеся фигурки.

— Это племянники Пара Графа Отсих и Досих! — воскликнул Саша. — Как же они сюда попали?

— Наверное, за то, что они нас выпустили, — предположил Алёша.

От сильного света Отсих и Досих открыли глаза, вскочили на ноги и в страхе прижались к стене.

— Не бойтесь, — сказал Саша. — Это мы.

— Саа и Алёа, — растерянно проговорил Досих. — Вы опять в плену...

— Не Саа и Алёа, — поправил Саша, — а Саша и Алёша. И мы не в плену. Теперь мы вас спасём.

— Спасите, — шёпотом сказал Отсих. — Пожалуйста, спасите.

— Он нас избил, — сказал Досих. — За то, что мы плохо дежурили. И потом бросил сюда.

— Вот негодяй! — крикнул Твёрдый Знак. — Попался бы он мне в руки!

— Тише, — сказал Досих и указал на стену. В стене виднелось отверстие величиной с блюдце. Оно было закрыто камнем.

— А мы и не видели, — удивился Алёша.

— Это они недавно сделали, чтобы подслушивать, — объяснил Досих. — А я заложил его камнем. Так вы спасёте нас?

— Спасём, — сказал Почерк. — Вы полетите с нами на вертолёте. И вы будете жить у нас. Вы станете хорошими, правильными параграфами. Параграфами, которые имеют смысл и служат людям! И вас не будут называть Отсихом и Досихом. А теперь — в вертолёт. Твёрдый Знак, проводите.

Твёрдый Знак взял Отсиха и Досиха за руки и повёл к люку.

— Не испугаетесь? — спросил он.

— Мы вертолёта не проходили, — сказал Отсих.

— Сейчас пройдёте, — заявил Твёрдый Знак. — А ну, лезьте вверх.

Отсих и Досих медленно стали подниматься по верёвочной лестнице.

Когда их не стало видно, Почерк вынул из отверстия в стене камень, и в подземелье вдруг послышался приглушённый скрипучий голос. Саша вздрогнул. Голос принадлежал Пара Графу.

— Я едва остался жив, — говорил Пара Граф, — меня чуть-чуть не отравил этот ужасный мальчишка Саа!

— К сожалению, он теперь не Саа, — ответил другой голос, и все узнали Кривпоча. — Но главное не в нём. У меня есть ещё один враг. Злейший! Мало того, что не давал мне житья в Буквограде, он явился и сюда! Ну, хорошо же! Я затплю его вместе с его аккуратненькими чистенькими буквами в этой пещере! Я спущу на них озеро Пролитых Чернил!

При этих словах Саша так и подпрыгнул. Почерк приложил палец к губам.

— Вы с ума сошли! — заскрипел Пара Граф. — А мой письменный стол, мои бумаги!

— Ха-ха-ха! Бумаги! — зло рассмеялся Кривпоч. — Да кому они будут нужны, эти бумаги, если вы сами исчезнете и все ваши детки-буквочки! И без пересадки отправитесь на тот свет! Сначала надо уцелеть, а потом думать о бумаге! А то как пустят в вас воздух с улицы Разума!

— Вред и бред! Не говорите мне об этом воздухе! Подумать страшно...

— То-то! Поэтому необходимо срочно готовиться к побегу. Мы обоснуемся в другом месте. Есть у меня одно на примете... В нашем распоряжении полчаса. Раньше они сюда не доберутся. Слышите, они летают вокруг горы на вертолёте? На всякий случай проверьте запоры на дверях.

— Что ж, не возражаю, — прошипел Пара Граф. — Посмотрим, каково им будет барахтаться в чернилах! Будите принцессу.

— Это не так-то просто сделать. Принцесса, проснитесь! Да проснитесь же, наконец!

— Ах, что случилось?

— Нам пора уходить отсюда. Вставайте!

— Как это «вставайте»? Я не умею. Где мои верные Кляксы?
— Они погибли.
— Как погибли?
— Очень просто: пошли купаться в озеро Пролитых Чернил и утонули.
— Какой ужас! Кто же теперь меня будет носить?
— Не огорчайтесь. Появятся новые Кляксы. А пока вставайте скорее! Иначе вы погибнете сами.
— Ах, боже мой, вы меня пугаете!..
— Скорее, — зашипел Пара Граф, — сейчас они узнают, отживший я или нет! Сейчас!
Почерк взял у Твёрдого Знака шланг и вставил его конец в отверстие.
— Назад!
Через несколько минут все были в вертолёте.
Твёрдый Знак стал быстро разматывать шланг и сбрасывать его вниз.
— Внимание! — сказал Почерк и открыл клапан.
И тотчас в шланг устремился воздух.

Все не отрываясь смотрели в окна.

И вот они увидели, как откуда-то из-под земли на вершину горы стали выскакивать маленькие согнутые фигурки. Их лица были закрыты платками, а на глаза надеты тёмные очки. Они метались по берегу чернильного озера. Некоторые старались опять спрятаться в земле, но, как ошпаренные, выскакивали обратно.

Вдруг озеро забурлило, на его середине вздыбились волны. Они хлынули на берега и, как огромные чёрные языки, слизнули буквоедов. В центре озера образовалась гигантская воронка, и озеро стало исчезать в глубине горы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

которой заканчивается наш рассказ

— Ну, вот мы и дома, — сказал Почерк, когда все вошли в Букварь и сели вокруг стола. — Я очень рад, что наше путешествие закончилось благополучно.

— Но что стало с Кривпочем и принцессой Ленью? — спросил Саша.

— И куда девался отживший Пара Граф? — добавил Алёша.

— Этого я не знаю, — ответил Почерк. — Но надеюсь, что больше они никогда не появятся на вашем пути. А если всё-таки когда-нибудь они вам встретятся, не подпускайте их близко, гоните прочь от себя!

Неожиданно отворилась дверь. На пороге стоял доктор Поправочкин.

— Что ж, Саша и Алёша, — сказал он, — собственно говоря, всё ясно. — Он посмотрел на буквы и прибавил: — Дружите с ними. Дружите со всеми буквами. Ведь из них получаются замечательные слова, чудесные фразы и очень интересные книги!

За окном послышались звуки горна, и все буквы выбежали из Букваря. Саша и Алёша тоже вышли на улицу и направились в ту сторону, где играли горнисты. Они пришли на площадь Точности и Ясности и увидели, как и в первый раз, ровный строй букв. И так же, как и тогда, перед буквами появился Почерк.

— Равняйся!

В эту минуту на площади показалась девочка. Это была хозяйка Дворца Усердия. Она шла прямо к буквам.

— Смирно! — скомандовал Почерк. — По порядку назовись!

И сейчас же раздались звонкие голоса:

— А! Б! В! Г! Д! Е! Ё! Ж! З! И! Й! К! Л! М! Н! О! П! Р! С! Т! У! Ф! Х! Ц! Ч! Ш! Щ! Ъ! Ы! Ь! Э! Ю! Я!

Все буквы были на своих местах.

Почерк чётко повернулся и пошёл навстречу девочке.

— Уважаемая повелительница! — сказал он. — Алфавит построен на прощальную линейку в полном составе! Все здоровы! Настроение замечательное!

— Спасибо, — сказала повелительница и улыбнулась.

По её знаку строй алфавита нарушился, и по площади зашагали пять букв:

АЛЁША

Они шли и улыбались. А Ёжик, шагавший третьим, хитро подмигнул Саше и Алёше. Потом они вернулись в строй, и зашагали четыре буквы:

САША

Буква Ш, которая шла уже второй раз, просто сияла от счастья. В третий раз появилось сразу десять букв:

ДО СВИДАНИЯ

И тут зазвучала песенка:

*С нами крепко, ребята, дружите,
Открывайте свои буквари!
И учтите, что нас в алфавите —
Тридцать три! Тридцать три! Тридцать три!*

*Нас будить папе с мамой не нужно —
Мы и сами встаём до зари
И без устали трудимся дружно —
Тридцать три! Тридцать три! Тридцать три!*

*Друг за другом в строжайшем порядке
Станем в строчки — а ну, посмотри!
В каждой книжке и в каждой тетрадке —
Тридцать три! Тридцать три! Тридцать три!*

Когда кончался куплет, буквы пели такой припев:

*Друг друга знаем мы давно,
Не хнычем и не плачем.
Мы буквы маленькие, но...
Мы буквы маленькие, но...
Но очень много значим!*

Они шагали, высоко подняв головы, полные достоинства, и приветливо махали Саше и Алёше руками...

Вдруг буквы стали уменьшаться и скоро стали такими маленькими, что их уже нельзя было рассмотреть. А звук горна стал похож на тоненький-тоненький звон. Но вот и он затих...

* * *

В комнату вошла мама.

— Почему вы не ложитесь спать? — спросила она.

— Мама! — сказал Саша. — Если бы ты знала, где мы были и что с нами произошло!

И ребята наперебой стали рассказывать о своих приключениях.

Мама улыбалась, и было видно, что она не очень верит рассказу своих сыновей.

Но мы-то с вами знаем, что всё, о чём они говорили, было правдой.

Инга Баллод – Ирина Румянцева

Про маленького поросёнка Плюха

Иллюстрации
Евгения Медведева

Для мл. шк. возраста
Рекомендованный возраст читателя согласно федеральному
закону №436-ФЗ: 0+
128 с. : ил. Формат 190х255 мм
ISBN 978-5-905876-25-7

Книга «Про маленького поросёнка Плюха» написана по мотивам сказок Элисон Аттли и проиллюстрирована замечательным художником Евгением Медведевым.

Плюх – непосредственный добрый поросёнок, с которым вечно что-нибудь случается. Что ни день, то новая беда. А может быть, победа? Как ужиться с этим маленьким непоседой, знают наверняка только сестричка Хрю, братья Топ и Шлёп и дядюшка Барсук. Главное — помнить несколько важных правил: перед тем как постирать Плюху штаны, важно вытащить оттуда мышат и сердобольную маму-мышь, перед тем как отправить малыша в лес за берёзовым веником, стоит обязательно убедиться, что он знает, как выглядит берёза, а ещё обязательно стоит рассказать Плюху, откуда берётся снег, чтобы поросёнок не провела в очередной раз хитрюга-лиса.

С Плюхом, конечно, непросто, но он, как и любой ребёнок, радуется окружающим своей непосредственностью и добротой.

Андрей и Наталья Снегирёвы

Кешка в центре внимания

Для мл. шк. возраста
Рекомендованный возраст читателя
согласно федеральному закону №436-ФЗ: 0+
48 с., формат 220х290 мм
ISBN 978-5-905876-02-8

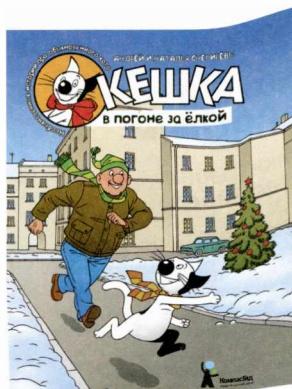
В январе 1991 года в еженедельнике «Семья» появилась новая рубрика: смешные рисованные истории про забавного кота Кешку, который сначала был бродячим, а потом обрел хозяина в лице газетного редактора. От номера к номеру Кешка не устал попадать в трудные ситуации и умело выкручивался из них всеми четырьмя лапами — и конце концов очаровательный кот практически стал национальным супергероем: истории вырезали и сохраняли для домашней библиотеки, в честь него называли домашних любимцев, про него сочиняли собственные рассказы, редакцию заваливали письмами и самодельными игрушечными «кешками». Годы прошли, читатели выросли, подшивки газет пообтрепались...

Теперь и у современных детей есть возможность познакомиться с котом и его хозяином: сборник рисованных историй «Кешка в центре внимания» Андрея и Натальи Снегирёвых открывает серию из четырех книг, и в нем юные читатели и их родители познакомятся с Кешкой, узнают, как кот научился говорить, готовить и всячески помогать своему хозяину.

Рисованные истории про Кешку и его хозяина были высоко оценены:

- победа на фестивале современного графического искусства «Comikaze» в городе Одесса в номинации «Лучший комикс для детей», 2005
- победа на Киевском международном фестивале комиксов «9 МИР» в номинации «Лучший комикс для детей», 2005
- 2-е место на 16-м международном Фестивале комиксов в г. Лодзе (Польша), 2005
- знак отличия на 13-й Международной профессиональной выставке «ПРЕССА» — «Золотой фонд прессы» вместе с журналом «Ну, погоди!», 2006
- участие в выставке «Из России с любовью» на фестивале комиксов в Люкке (Италия). Табличка под выставленными работами гласила: «Бестселлер кот Кешка»

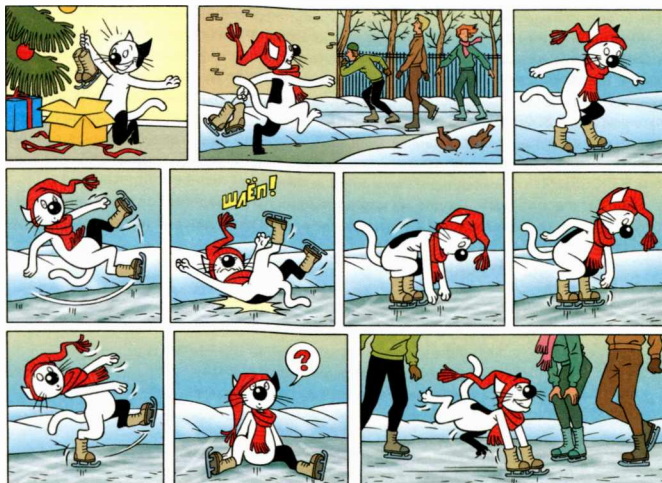
Андрей и Наталья Снегирёвы

Кешка в погоне за ёлкой

Для мл. шк. возраста
Рекомендованный возраст читателя
согласно федеральному закону №436-ФЗ: 0+
48 с., формат 220х290 мм.
ISBN 978-5-905876-16-5

Герой еженедельника «Семья» кот Кешка, за последние 20 лет ставший чуть ли не национальным супергероем и совершенно точно вошедший в число любимых российских персонажей рисованных историй, появляется в новом сборнике Андрея и Натальи Снегирёвых «Кешка в погоне за ёлкой». Здесь собраны самые волшебные и необыкновенные истории — как раз для чтения во время каникул!

НА КАТКЕ

Ева Яниковски

Был бы я взрослым

Иллюстрации
Ласло Ребера

Перевод с венгерского
Татьяны Воронкиной

Для мл. шк. возраста
Рекомендованный возраст читателя
согласно федеральному закону №436-ФЗ: 0+
36 с., формат 170х200 мм
ISBN 978-5-904561-90-1

Каждый ребенок в душе больше всего на свете мечтает об одном: наконец-то стать взрослым! Ведь тогда-то и начинается жизнь: можно смело ходить по лужам, не мыть руки перед едой и не убирать игрушки! Вот оно — настоящее счастье! Но вот что странно: взрослые почему-то всего этого не делают. Остается только развести руками. Глупые они, эти взрослые.

Книга известной венгерской писательницы Евы Яниковски, проиллюстрированная Ласло Ребером, красочно рассказывает именно об этом — о фантазиях одного мальчишки, которого от счастья отделяет лишь пара десятков лет. И вслед за автором так и хочется повторять: «Каждый ребёнок, даже самый маленький, знает, что быть непослушным КУДА ВЕСЕЛЕЕ, чем быть паинькой». Чтобы затем задаваться вопросом: «Но если моим детям достанется самый большой надувной шар, самая большая порция мороженого, самая широкая лужа и самый высоченный сугроб, тогда какой мне толк быть ВЗРОСЛЫМ?»

«Был бы я взрослым» — одно из известнейших произведений автора, переведенное более чем на 35 языков мира и отмеченное Немецкой детской литературной премией (1973).

УДК 821.161.1-31-93Раскатов М.
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р24

Раскатов, Михаил.
Р24 Пропавшая буква : [для мл. шк. возраста (0+)] / Михаил Раскатов ;
ил. Е. Медведева. — 2-е изд. — М.: КомпасГид, 2013. — 120 с.: ил. —
(Серия «Сказочный компас»). — ISBN 978-5-905876-33-2.

Саша и Алёша — родные братья, и не просто родные братья, а близнецы. Каждому из них ровно по семь лет, восемь месяцев и девять дней, и они очень похожи друг на друга. Всё лето, надев школьную форму, близнецы любовались своим отражением в зеркале и думали о том, что скоро, очень скоро у них начнётся новая жизнь. Но они совсем не догадывались, какие приключения их ожидают. Всё началось сразу после первого сентября, когда Саша и Алёша в первый раз пошли в школу. Теперь им приходилось подниматься рано по утрам, собирать портфели и делать уроки. И если с первыми двумя задачами они ещё как-то справлялись, то домашние задания были самой настоящей бедой. Конечно, попробуй тут усиди, когда эти настырные палочки-крючочки никак не хотят складываться в буквы! Лучше бы этих букв совсем не было!

Но, как известно, желания имеют обыкновение сбываться... И Саша и Алёша вдруг оказываются в волшебном Буквограде, где с новыми друзьями братья отправляются на поиски пропавшей буквы, в то время как злейшие враги города — буквоеды — угрожают проглотить весь алфавит.

«Пропавшая буква» Михаила Раскатова — классика для маленьких читателей, проиллюстрированная художником Евгением Медведевым.

УДК 821.161.1-31-93Раскатов М.
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено
только с письменного согласия издательства.
Интересы издательства «КомпасГид»
представляет юридическое агентство «Копирайт» www.juragent.ru*

ISBN 978-5-905876-33-2

© Раскатов М. Е., текст, 1981
© Медведев Е. А., иллюстрации, 2012
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2012

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Рекомендованный возраст читателя
согласно федеральному закону №436-ФЗ: 0+

Раскатов Михаил Евсеевич
Пропавшая буква

Иллюстрации Евгения Медведева
Корректоры Татьяна Саганова, Надежда Болотина
Технический редактор Леонид Шиповский
Выпускающий редактор Марина Кадетова
Директор издательства Виталий Зюсько

Регистрационное свидетельство № 5087746578123 от 11.12.2008
ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, дом 5, стр. 1
Тел.: +7 495 624-24-28
E-mail: books@kompasgid.ru
www.book.kompasgid.ru

Подписано в печать 14.12.2012
Формат издания 70х90/16. Гарнитура «FreeSet»
Печать офсетная, бумага офсетная. Усл. печ.л. 8,775. Тираж 5000 экз.
Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
Заказ № 33629^(см - 9см).

Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1.

ISBN: 978-5-905876-33-2

9 785905 876332